

Министерство образования и науки РФ
Автономное образовательное учреждение высшего образования
Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»
Факультет лингвистики
Кафедра германских языков
Направление 45.04.02. «Лингвистика»
Уровень «Магистр»

ДОПУСКАЕТСЯ К ЗАЩИТЕ

Руководитель программы:
докт. филол. наук, проф. Водоватова Т.Е.

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА МАГИСТРА
«СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКОЙ И ЯПОНСКОЙ
ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ
КОМИКСОВ И ЯПОНСКИХ МАНГА)»**

Выполнил:
Ещеркин А.С., группа ЛМ-21

Научный руководитель:
канд. филол. наук, доцент
Кириллов А.Г.

Оглавление

Введение.....	3
1. Теоретические основы изучения оноματοпоэтической лексики в зарубежном и отечественном языкознании	7
1.1. История изучения звукового символизма и звукоподражательной лексики в зарубежном и отечественном языкознании в диахроническом аспекте	7
1.1.1. Исследование звукового символизма в англистике	15
1.1.2. Исследование звукового символизма в японистике.....	21
1.2. Понятие оноματοпеи.....	25
1.2.1. Общая классификация оноματοпоэтической лексики	30
1.2.2. Структурные и функциональные особенности английских и японских оноματοпов.....	35
2. Языковые характеристики английской и японской оноματοпоэтической лексики в поликодовых текстах	43
2.1. Комиксы и манга как лингвокультурное явление	43
2.2. Оноματοпея как ключевой атрибут поликодовой составляющей текста комиксов и манга	50
2.3. Языковая характеристика оноματοпеи в американских комиксах и японских манга.....	56
Заключение	72
Список литературы	75
Список лексикографических источников.....	80

Введение

Американский комикс и японская манга в течение многих десятилетий пользуются популярностью по всему миру, привлекая новых читателей всех возрастных и гендерных групп. Иллюстрации, сопровождаемые текстом, легки для восприятия и не занимают много времени для прочтения, что является несомненным достоинством этих визуальных новелл.

Комиксы и манга представляют собой разновидность поликодовых или креолизованных текстов, состоящих из картинки с подписью. Интерес лингвистов к креолизованным текстам объясняется их чрезвычайной распространённостью в самых разных видах современных дискурсивных практик – комиксах (художественно-изобразительный тип текста), рекламе (рекламный дискурс), кино (кинотекст или кинодискурс), плакатах, наглядной агитации (политический дискурс) и т. п. Это разнообразие предоставляет в распоряжение исследователей богатую эмпирическую базу, не все элементы которой достаточно изучены на сегодняшний день, несмотря на свою распространённость. Среди малоизученных видов креолизованных текстов особое место занимают комиксы и манга.

В англо-японской лингвистической традиции на данный момент не так много специальных исследований, посвященных системному и комплексному анализу семантики, структуры и функционирования звукоподражательных слов. Не было обнаружено каких-либо исследований, в которых английская и японская ономастия сравнивались бы для нахождения схожих черт данной лексики в неродственных языках. Требуется более глубокий анализ этого пласта лексики в английском и японском языках, а также привлечение экспериментальных методов исследования с участием носителей вышеупомянутых языков. Всё это свидетельствует об актуальности и научной новизне настоящего исследования.

Данная работа посвящена изучению ономастической лексики в поликодовых текстах на материале американских комиксов и японских манга. В

ней излагаются теоретические положения и описываются особенности функционирования оноματοпоэтической лексики в английском и японском языках, а также на примере компаративного анализа сравниваются ономатыпы в двух неродственных языках на предмет сходств и различий, особенностей функционирования, взаимопроникновение лексем в другие языки и т. д. Поскольку оноματοпоэтическая лексика занимает особое заметное место в текстовой части таких поликодовых текстов, как комиксы и манга, её изучение представляет особый интерес.

Объектом исследования выступает английская и японская оноματοпоэтическая лексика в поликодовых текстах. Предметом исследования являются структурно-семантические характеристики оноματοпоэтической лексики английского и японского языков.

Цель настоящего исследования заключается в описании, сравнении и сопоставлении оноματοпоэтической лексики в английском и японском языках на материале американских комиксов и японских манга.

Поставленная цель требует решения следующих задач:

1. определения понятия оноματοпоэтической лексики и её основных характеристик;
2. анализа структуры и семантики оноματοпоэтической лексики в английском и японском языках;
3. выявления сходств и различий между ономатопами в двух неродственных языках;
4. определения роли оноματοпеи в рассматриваемых поликодовых текстах.

Материалом исследования послужили американские комиксы издательства DC и японская манга издательского дома Kadokawa Shoten различных жанров в объёме 50 томов. Тексты данных томов были подобраны для проведения фоносемантического анализа. Общий объём выборки составил 5000 страниц поликодовых текстов, целевой аудиторией которых являются англо- и японоговорящие читатели всех возрастных и гендерных категорий. Примеры из японского языка даются на японском языке и в официальной

кириллической транскрипции (русский язык), разработанной российским востоковедом Е.Д. Поливановым.

Анализ проводился с использованием ряда методов, включая структурно-семантический (выделение изучаемых единиц из языкового материала, их классификация и оценка структурно-содержательных особенностей) и сопоставительный (сопоставление английских и японских ономапопов).

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при последующей разработке вопроса звукоподражаний, при изучении проблем точности и адекватности перевода ономапопов с одного языка на другой. Вместе с тем у проведённого исследования есть и практическая ценность. Лексический материал, представленный в работе, может найти применение при составлении толковых словарей английского и японского языка, а также двуязычных словарей. Кроме того, результаты могут быть учтены в педагогическом процессе, в практике преподавания японского и английского языков русскоговорящим учащимся. Одним из практических результатов является создание двуязычного словаря наиболее частотных ономапопов, используемых в комиксах и манга, для удобства чтения в оригинале и при переводе.

Цель и задачи исследования определили структуру диссертации, которая состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. В первой главе кратко описывается история изучения ономапоэтической лексики и звукового символизма в мировой лингвистике в целом, а также отдельно в англистике и японистике. Подробно освещается понятие ономапопеи, классификации звукоподражаний, структурные и функциональные особенности английских и японских ономапопов в различных видах текстов (прежде всего, в рекламе). Вторая глава посвящена анализу функционирования ономапоэтической лексики в поликодовых текстах – американских комиксах и японской манга. Данные виды текстов рассматриваются в качестве особых лингвокультурных явлений и ярких представителей класса поликодовых текстов. В главе даётся подробная языковая

характеристика ономапов, выделенных из материала исследования. В заключении подводятся итоги и делаются выводы, а также намечаются перспективы дальнейших исследований по данной теме. Список использованной литературы насчитывает 67 наименований отечественных и зарубежных авторов, а также 5 лексикографических источников.

Отдельные положения работы были апробированы на студенческих научно-практических конференциях. По теме диссертации опубликовано несколько статей и тезисов докладов.

1. Теоретические основы изучения оноματοпоэтической лексики в зарубежном и отечественном языкознании

1.1. История изучения звукового символизма и звукоподражательной лексики в зарубежном и отечественном языкознании в диахроническом аспекте

Возникновение термина «оноματοпея» связано с длительными размышлениями людей о проблемах звукового символизма и мотивированностью языкового знака. Рассматривая языкознание в диахроническом аспекте можно проследить, что даже для мыслителей эпохи античности данная проблема представляла особую значимость. Уделяя особое внимание историческим данным, европейским и азиатским традициям языкознания, а также исследованиям, лежащим в основе данной работы можно сделать вывод, что изучение оноματοпеи играет существенную роль в мировой лингвистической среде, а так же позволяет подойти ближе к проблеме происхождения языка.

Проявление интереса к вопросу обладает ли звук семантикой, было засвидетельствовано в древний период и нашло свое отражение в древнеиндийских произведениях – ведах. «Для древних индийцев была характерна убежденность в существовании изначальной связи между самой вещью и ее наименованием» [Воронин 2006: 9].

Эпоха античности стала отправной точкой в изучении непосредственной связи между звуком и значением. Древнегреческие философы пытались найти ответы на вопросы, которые и по сей день не оставляют надежды на разгадку современным лингвистам. Рассуждая и выстраивая теории происхождения языка, древние мыслители демонстрировали особый интерес к проблеме взаимодействия фона и семы. В диалоге Платона под названием «Кратил» Гермоген и Кратил просят Сократа пояснить им как вещи получают свои имена – по всеобщей договоренности или этот процесс обусловлен природой; является ли язык системой знаков или же слова обладают имманентными

признаками по отношению к вещам, которые они впоследствии обозначают. «В таком случае имя, видимо, есть подражание с помощью голоса тому, чему подражают, и имя тому, чему подражают, дается при помощи голоса» [Платон 2006:478].

Таким образом, было положено начало спору, который разделил античных мыслителей на два противоборствующих лагеря, что стало ознаменованием возникновения двух школ – *тезей* и *фюзей*. Приверженцы теории *тезей* были уверены в том, что номинации вещам давались по договоренности (т. социального договора), а сторонники *фюзей* в свою очередь пытались доказать, что вещи свои названия получали естественным путем, т.е. – по природе (т. звукоподражания и т. междометия) [Нелюбин 2016:15].

Античность стала точкой отправления для фундаментальных исследований звукосимволизма в эпоху Нового времени, в котором изучение соотношения акустически и смысла взаимодействуют в глоттогонии. Ономатопоэтическая теория происхождения языка открывается гипотезами в духе *фюзей*. Немецкий лингвист Готфрид Лейбниц наделяет звуковой знак свойством носителя смысла и подразделил звуки на шумные, например /r/, и тихие, такие как /l/. Древние германские и кельтские племена и другие родственные им народы инстинктивно использовали звук /r/ для обозначения резкого движения и шума, какой производит этот звук, а звук /l/ в свою очередь обозначал плавные легкие движения» [Лейбниц 1983:282].

В поддержку своей теории ученый-языковед приводит примеры из своего родного языка: *rinnen* (течь, струиться), *Rhone* (река Рона), *rauben* (грабить, захватывать), *rauschen* (шуметь, рокотать) – *leben* (жить), *laben* (услаждать), *liegen* (лежать), *lind* (мягкий, кроткий, нежный) [Лейбниц 1983:282]. Вместе с тем Лейбниц наблюдает противоречия и указывает на слова, план выражения которых не соответствует передаваемой идее: фр. *le lion* (лев), англ. *lynx* (рысь), лат. *lupus* (волк). Рассматривая немецкое слово *der Löwe* (лев), ученый утверждает, что мягкость в названии – это следствие переноса признака

(впечатления от предмета) быстроты бега хищника (нем. *der Lauf* – бег) на название животного [Лейбниц 1983:283].

Указывая на диалектику взаимосвязи плана содержания и плана выражения слова, Лейбниц делает важнейшее предположение об отходе слова от своей первоначальной формы в диахронии: «...в силу различных обстоятельств и изменений большинство слов чрезвычайно преобразилось и удалилось от своего первоначального произношения и значения» [Лейбниц 1983:283].

Впоследствии течение *фюзей* обзавелось колоссальным количеством приверженцев во всех эпохах и находит таковых по сей день. Одним из их числа был знаменитый немецкий философ и лингвист Вильгельм фон Гумбольдт. Он утверждал, что непременно существует некая связь между звуком и значением; однако не во всех случаях представляется возможным доподлинно описать эту связь, зачастую мы лишь способны почувствовать её интуитивно [Гумбольдт 1982:92].

Несмотря на трудности в описании В. Гумбольдт смог сформулировать несколько положений звуко-символизма, в которых описываются способы обозначения понятий:

В первом положении он представляет оноματοпоэтические (звукоподражательные) лексемы, непосредственно имитирующие звуки предмета или явления. В. Гумбольдт классифицирует данный способ описания звуко-символизма как изобразительный – язык создает акустический образ предмета, посредством артикуляции приближая издаваемый звук максимально к звуку, производимому предметом или явлением как бы подражая ему. С развитием языка и человеческого сознания такой способ номинации предмета утрачивается и находит себе применение только в некоторых случаях.

Второе положение базируется на подражании не акустическому явлению или образу предмета, а его имманентным признакам и атрибутивным свойствам. Принимая во внимание это положение, Гумбольдт, симпатизировал теории стоиков, которые высказывались о том, что звук способен выразить сущность

предмета: «Для обозначения предмета этот способ избирает звуки, которые отчасти сами по себе, отчасти в сравнении с другими звуками рождают для слуха образ, подобный тому, который возникает в глубине души под впечатлением от предмета» » [Гумбольдт 1982:93].

Свои слова лингвист доказывает, сравнивая характер артикуляции коррелирующий с признаками денотатов. В подтверждение сказанному Гумбольдт приводит примеры на немецком языке, группируя отобранные лексемы по характерным признакам: статичность – *stehen* (стоять), *stätig* (постоянный), *starr* (неподвижный); быстрое и точное отсечение – *nicht* (не), *nagen* (глодать), *Neid* (зависть); нечто неустойчивое, беспокойное, неясно предстающее перед органами чувств движение – *wehen* (веять), *Wind* (ветер), *Wolke* (облако), *warren* (спутывать), *Wunsch* (желание) [Гумбольдт 1982:93].

Говоря о втором положении Гумбольдта, важно отметить, что связь артикуляции и словотворчества можно проследить еще со времен до нашей эры. Древнеримский философ Публий Нигидий Фигул в своих размышлениях обратил свое внимание на одну закономерность, касающуюся личных местоимений в латинском языке. Произнося *vos*, люди с помощью органов речи демонстрируют значение этого слова: губы вытягиваются вперед, указывая на собеседника и растягиваются в стороны тем самым, показывая, что обращение может быть направлено к широкому кругу лиц; при произнесении *nos* губы снова растягиваются и немного оттягиваются назад, будто указывая на рядом стоящих людей; *tu* так же «призывает» вытянуть губы в сторону собеседника, а в случае с *ego* происходит противоположное явление – звук раздается будто бы из нутра человеческой сущности, создавая характерные вибрации. Отражение данной закономерности можно наблюдать в огромном количестве современных европейских языков, таких как английский, немецкий, русский, польский и др. [Genette 1995: 30].

В третьем положении Гумбольдт говорит о тождестве звуков в соответствии с характером обозначаемых явлений. Он называет этот способ аналогическим, так как он «строится на сходстве звуков в соответствии с

родством обозначаемых понятий. Словам со сходными значениями присуще также сходство звуков, но при этом, в отличие от рассмотренного ранее способа обозначения, не принимается во внимание присущий самим этим звукам характер». Слова с аналогичными значениями обладают аналогичной звуковой картиной, но в свою очередь отличительной чертой этого положения от предыдущего является то, что характер звуков присущий им не учитывается. Для того чтобы ярко проиллюстрировать третье положение необходимо наличие в звуковой системе лексических тождеств определенной протяженности. Данный способ представляется наиболее продуктивным, поскольку в нем особенно задействован мыслительный процесс [Гумбольдт 1982:94].

Проблема произвольности и мотивированности языкового знака, рассматриваемого как корреляция акустического явления и семантики в слове, изучалась и в отечественном языкознании. Литературное наследие Древней Руси показывает, что монах Евфимий одним из первых пытался исследовать данный вопрос в XII веке. Звуковой символизм представляется ему в экспрессивных и оценочных свойства фоники слов. Исследование Евфимия заключается в том, что он подразделяет звуки на группы, связанные с установленными коннотативным элементами значения: «гласны» (гласные звуки с очевидными качественными свойствами), «грубые» /б/, /в/, /г/, /д/, «громные» /к/, /п/, /р/, /т/; их значение описано как «грохочущие» и «шумные», «натужные» /л/, /м/, /н/, «немые», «шепчущие» /с/, /з/. Настоящая характеристика звуков базируется на ассоциациях и впечатлениях, производимых способом артикуляции [Васильева 2004:10].

Интерес Евфимия к звуковому символизму и размышления о взаимодействии звука и значения подхватывает М.В. Ломоносов, который в 1748 году в «Кратком руководстве к красноречию» высказывается о сенсуалистической сфере людей, влияющей на выбор слова и определяющей его план выражения: «В российском языке, как кажется, частое повторение письмени /а/ способствовать может к изображению великолепия, великого

пространства, глубины и вышины; учащение писем */e/, /и/, /ъ/, /ю/* — к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей, через */я/* показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность, через */o/, /y/, /ы/* — страшные и сильные вещи: гнев, зависть, боль и печаль» [Ломоносов 1950–1983:241].

В языкознании XIX века на диалектику формы и содержания слова обращает внимание А.А. Потебня, для которого слово является одновременно и средством выражения мысли, и способом ее создания. Описывая процесс языкотворчества, ученый прибегает к таким понятиям, как символизм языка, символизм (символ) звука, символ восприятия, для характеристики связей, существующих между предметом и звуком, чувством и звуком, словом и чувством [Потебня 1976:34].

А.А. Потебня утверждает, что каждое слово представлено совокупностью трех компонентов, в которой, в частности, прослеживается взаимосвязь фоники и семантики: «В слове мы различаем: внешнюю форму, то есть членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание. При некотором внимании нет возможности смешать содержание с внутренней формой» [Потебня 1976:174]. При этимологическом анализе родственной лексики следует, что в ряду однокоренных слов предшествующий член может оказаться внутренней формой последующего *язва* (она горит, жжет) — *язвить* (т.е. наносить «раны», причинять боль, «жжение»). Рассматривая данный пример, ученый указывает на существование санскритского корня *indh* (жечь, гореть), прямо образованного от междометия. Для данного элемента этимологической цепи внутренней формой может являться чувство, связывающее значение со звуком: «Связующим звеном здесь может быть только чувство, сопровождающее восприятие огня и непосредственно отраженное в звуке *indh*» [Потебня 1976:115].

Таким образом, опираясь на традиции Античности, А.А. Потебня помещает чувство, сопровождающее восприятие, между звучанием и значением слова, но делает это, основываясь на данных, полученных в ходе этимологического анализа.

Согласно концепции Александра Афанасьевича, на раннем этапе развития языка не только чувство является внутренней формой, но и сам звук выбран неслучайно: «Чувством и звуком, взятыми вместе (потому что без звука не было бы замечено и чувство), человек обозначал полученное извне восприятие» [Потебня 1976:115].

Первичная субъективная связь между впечатлением, вызываемым предметом, и звуком, его обозначающим, развивается в объективную языковую привычку, осознаваемую всеми членами говорящего коллектива, на основе устойчивой внутренней связи между восприятием звука и чувством, индуцируемым при перцепции. При попытке анализа связи плана выражения и плана содержания слов, признанных первичными, необходимо обратиться к исследованию патогномических звуков, предшествующих слову [Потебня 1976:116].

Важно отметить, что круг проблем, рассматриваемых в рамках фоносемантики, позволяет затронуть этот аспект. Данные исследования изложены подробнее в разделе, посвященном природе фонетического знака, в частности, на примере работ А.Б. Михалёва, связывающего иконичность звукового знака с идеей прототипической семы, лежащей в основе лексического значения.

На раннем этапе исследования звукового символизма носили преимущественно эмпирический характер и проводились в основном интроспективно. Фонетический символизм выявлялся косвенно как «побочный эффект» языковой природы в процессе размышлений о глоттогенезе, а также как практическое руководство к литературному творчеству. Однако это указывает на то, что человеческому сознанию свойственно подмечать тенденции связи звука и значения даже в ситуациях, далеких от

целенаправленного изучения звукового символизма. Резюмируя доводы за и против мотивированности языкового знака, Э. Бенвенист пишет: «...эта проблема есть не что иное, как знаменитое: $\phi\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\iota$ или $\theta\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota$, и решена она может быть только путем принятия той или другой точки зрения. В самом деле, эта проблема не что иное, как переведенная на язык лингвистики философская проблема соответствия разума действительности. Лингвист, возможно, в один прекрасный день сможет с пользой ею заняться, но пока ее лучше оставить. Полагать отношение произвольным – это для лингвиста способ уйти от данного вопроса...» [Бенвенист 1974:93].

Ученые, занимающиеся звукосимволикой, часто предполагают, что между звуком и смыслом существует систематическая взаимосвязь. Исследования в этом контексте касаются классов слов, у которых звуки, похоже, имеют знаковые связи с чувственным опытом, где связь между фонетической формой слова и ее значением представляется совершенно естественной и не произвольной. Кажется, действительно, существуют ситуации, когда можно наблюдать некую произвольную связь между фонетической формой слова и ее интерпретацией, независимо от того, понимаем ли мы, как такие связи могут быть получены. Поэтому акцент в рамках исследований по звуко-символике был сделан на характере отображения между звуком и значением и механизмом (механизмами), лежащими в основе таких связей [Kagitani 2014: 115].

Для иллюстрации Рамачандран и Хаббард повторяют знаменитый эксперимент Кёлера, демонстрируя зубчатую форму и искривленную форму студентам колледжа, и просят их решить, какая форма – «буба», а какая «кики». Почти все студенты оценили зубчатую форму как «кики», а изогнутую форму – «бубой». Более того, сообщают о систематическом статистически значимом паттерне между фонетической формой и значением некоторых звукоподражательных японских слов для текстуры вкуса и вкуса, например, текстура вкуса «толстая» имеет отношение к звукам /n/, /d/, /m/ и /o/, как в *ねば* *ねば* /нэба-неба/ и *ﾄﾞﾓﾄﾞﾓ* (*доро-доро*), в то время как /s/ имеет

поддерживаемую связь с тонкостью, как у *サラサラ* /*sara-sara*/. Кроме того, часто отмечается, что многие слова для блеска или источников света на английском языке начинаются с /gl/, например, *glow*, *glimmer* или *glitter*. Что показывают такие исследования и наблюдения, так это то, что есть слова, которые явно имеют какую-то систематическую и неслучайную связь с их значениями.

Неудивительно, что мы находим примеры таких слов, особенно учитывая, что изучаемые случаи включают в себя передачу смыслов, относящихся к чувствам, и чувственного опыта. Люди имеют богатый сенсорный опыт, и мы проводим большую часть нашего времени, говоря о том, что мы воспринимали и переживали через наши чувства. Однако многие аспекты такого опыта весьма своеобразны, неопределенны, часто невыразимы и импрессионистичны. В результате мы вряд ли будем иметь лексикализованные концепции для их выражения и передачи их другим. Таким образом, неудивительно, что мы могли бы попытаться использовать другие средства для их сообщения, используя «слова», которые имеют почти полностью произвольную связь с их интерпретациями. Главный вопрос, однако, в том, как и почему эти связи между звуком и интерпретацией получают в общении.

1.1.1. Исследование звукового символизма в англистике

Английский грамматист Джон Уоллис представил в своих трудах список консонантов, которые на его взгляд обладают характерными семантическими признаками. Его система семантических значений, приписываемых консонантам в исходном положении, представлена списком (называемым таблицей) слов, сгруппированных по типам (в дополнение каждый раз присутствует дополнительный список «изолированных» слов, которые не поддаются этой группировке) в соответствии с их согласным приступом, причем последние расположены не в алфавитном порядке, а в соответствии с

фонетической классификацией: губные, гортанные, шипящие, зубные, придыхательные, плавные и носовые.

Французский лингвист, литературовед и представитель структурализма Жерар Женетт в своих трудах *Mimologiques: Voyage en Cratylie* ссылается на исследование проведенное символистом Стефаном Малларме в области звукосимволизма, наделяя консонанты множества европейских языков, в данном случае английского языка, определенными семантическими свойствами. Так, звук /b/ в понимании С. Малларме обозначает некую тяжеловесность или округлость, а также что-либо связанное с производством, рождаемостью, плодородием, амплитудой, отечностью, изгибами; атрибутивные свойства: большое количество (*bulk*), состояние избыточности, состояние кипения (*ebullience*). Среди всего прочего иногда может обозначать благожелательность (*benevolence*) и благословение (*blessing*). Воспроизведение вышеупомянутых значений совершается с помощью губно-губного звука. Далее ученый говорит о свойствах другого губно-губного звука /w/, который указывает на действия связанные с какого-либо рода колебаниями, возможно происходящими вследствие «двойного характера буквы»; водянистость (*wateriness*), слабость (*weakness*), эксцентричность (*whimsy*). Звукокомплекс /wr/ содержащий в себе данный звук описывается Д. Уоллисом, который по его словам обозначает действия связанные со скручиванием чего-либо. Следующим звуком подобной классификации является консонант /p/, который ассоциируется у Малларме с нагромождением (*piling up*), застоями и чем-то ясно очерченным. Звукокомплекс в сочетании со звуком /l/ не обладает никаким характерным значением. Далее в звуке /f/ ученый заключает такие значения, как сильный и фиксированный захват, а звукокомплекс /fl/ сосредоточивает в себе такие характеристика, как: движение в воздухе: полет (*flight*), струиться (*flow*), порыв ветра (*flaw*). Консонант /g/ обозначает желание, а звукокомплекс /gl/ в состав которого он входит – удовлетворенное желание, радость, свет, скольжение, тенденция к повышению каких либо качеств объекта или явления; *gr*: атрибутивные свойства желаемого объекта. Звук /j/ С. Малларме характеризует

как располагающийся только перед гласным или дифтонгом, таким образом, демонстрирующий тенденцию выражать какое-либо активное, прямое действие, а не обладающий одним из этих значений, то есть, несомненно, что его позиция всегда непосредственно перед гласным – это то, что придает ему это значение. Говоря о звуке /c/, ученый наделяет его свойствами, которые обозначают быстрое и решительное нападение, какие-либо энергичные действия, таким образом, звукокомплекс /cl/ называет такие действия, как: крепко схватить (*clasp*), раскалывать (*cleave*), цепляться (*clamber up*); /cr/ разбивать (*crash*), растрескивание (*cracking*); /ch/ отчаянные усилия. Звук /k/ при условии расположения в позиции перед /n/, приобретает значение: сучковатость (*knottiness*), звук ударов костяшками пальцев (*knuckles*); более того необходимо обратить внимание на группу: род (*kin*), тип (*kind*), король (*king*) откуда возникает понятие стратификации и титулованности. Звук /q/ рассматривается по такому же принципу что и /k/ – при условии нахождения в позиции перед /u/, приобретает значение: быстрое (*quick*) и резкое движение. Консонант /s/ С. Малларме наделяет массой значений, таких как: размещение в пространстве или поиск чего-либо. В данном случае обнаруживается принцип «единства противоположных значений». Отклонение в значении может быть произведено до такой степени, что оно может стать абсолютным в точке соответствия подлинной аналогии. К примеру, *heavy* может избавиться от своих свойств обозначающих тяжесть, массивность какого-либо предмета для того чтобы принять на себя свойства лексемы *heaven*, которая обладает такими значениями как небо, высота и нечто утонченное, которые считаются элементами духовного мира. Но важный аспект динамики значений исходит из разнообразных звукокомплексов, содержащих звук /s/ – /sw/ быстрота (*swiftness*), набухание (*swelling up*); /sc/ разделение (*scission*), выскабливание (*scraping*); /sh/ стрельба (*shooting*), тень (*shadow*), убежище (*shelter*), а также различные действия, связанные с демонстрацией чего-либо (*showing*); /st/ стабильность (*stability*) как и во многих естественных языках. Звук /d/ принимает на себя такие свойства, по мнению С. Малларме, как равномерное

действие без признаков парадности, зачастую вялое, незаметное, а звукокомплекс /dr/ характеризует затянувшуюся попытку совершить действие (an effort that *drags* on). Звук чаще всего выражает значение стабильности, статичности как в словах – остановка (*stop*), застой (*stasis*); фундаментальное значение выражается с помощью звукокомплекса /st/, однако в грубом нарушении общего принципа преобладания исходного положения звука. Звукокомплекс /th/ выражает объективность (в указательных местоимениях и определенном артикле *the*), а /tr/ выражает моральное доверие (*moral trustiness*), правду (*truth*). Звук /h/ обозначает прямое и простое движение; рука (*hand*), сердце (*heart*), голова (*hear*), сила, доминирование. Звук С. Малларме /l/ наделяет свойствами, как – безрезультатное стремление (*longing without result*), неторопливость (*slowness*), растянутость (*lengthiness*), лень (*laziness*), но также прыжок (*leap*) и любовь (*love*) [Genette 1995:208].

Кроме того, помимо С. Малларме, Дж. Уоллис представляет список звукокомплексов, план выражения которых, по его мнению, четко соответствовал плану содержания: /str/ – сила (*strength* – сила, *strive* – борьба, *stress* – усилие); /thr/ – резкое движение (*throw* – бросать, *thrust* – толкать, *throb* – пульсировать); /wr/ – искривление (*wry* – кривой, *wrestle* – корчиться, *wriggle* – извиваться); /sl/ – легкое движение (*slip* – скользить, *slide* – двигаться плавно); /cl/ – прилипание, сцепление (*cleave* – прилипнуть, *clasp* – прикреплять, *clot* – свертываться) [Wallis 1972:28].

По словам Женетт нельзя не упустить гетерогенность этих акустических явлений. Аспект, который представляется возможным подчеркнуть, заключается в том, что только /b/, /w/, /g/, /c/, /d/ и /t/ кажутся обеспеченными стабильным и последовательным значением. Это разнообразие в интерпретации следует сравнивать с двумя другими характерными чертами, одинаково девиантными по отношению к кратилийской традиции. Во-первых, существует крайняя сдержанность в отношении физических мотивов. Единственное, что ясно указано, остается сомнительным – это «характер сомнений» – графический, в данном случае – /w/, который определяет его значение

выражением «колебаний». Ж. Женетт утверждает, что связь между билабиальной артикуляцией /b/ и ее значением «отечности» предложена весьма неопределенным способом, и что между «быстрым и решающим» характером /c/ и ее значением духовности едва ли более ясно. Даже значения, такие же однозначные, как значения /g/, /d/ или /t/, приводятся без каких-либо попыток объяснения; Они являются, как следствие из более сильного утверждения, наиболее гетерогенными. Нет ничего, напоминающего традиционные мотивы, от Платона до Нодье, значений, приписываемых звукам /r/, /t/, /l/, и звукокомплексам /gl/ и /st/. Значения просто отмечаются и записываются, как это предлагает (рудиментарная) статистика списков слов, и не без некоторой путаницы. Действительно, типично для семантической интерпретации после каталога вокабул, который поэтому функционирует не просто как иллюстративные примеры (выбранные как таковые), а как реальный материал для наблюдения. Подход этой главы является весьма индуктивным, поэтому его часто неопределенный и почти нерешительный характер. Здесь значение букв предлагается уже не как абсолютное, а действительно как относительное (часто капризное) значение существующего корпуса [Genette 1995:209].

Связь между этим множественным значением и физической значимостью означающих не предназначена для правильной мимики или даже в противном случае: вещи просто так на английском языке, и не более того. И когда в силу исключения С. Малларме наблюдает более широкое значение, такое как /st/ = *stop*, он тщательно воздерживается от объявления универсальности. Такой подход приписывается многим естественным языкам, и родство этих «идиом» прямо вытекает из этого. Это типичная иллюстрация трагедий, наложенных на кратиловое воображение исторической лингвистикой. Отношение /st/ = *stop* больше не является фактом природы, обширным человеческим языком – это более скромно и, безусловно, индоевропейский корень [Genette 1995:211].

Согласно описанию истории изучения звукового символизма в работе Ж. Женетта «Mimologiques: Voyage en Cratylic», помимо начальных звуковых комплексов Дж. Уоллис предлагал свое видение семантики конечных

сочетаний, например: /-ash/ (*crash, flash*) обозначает что-либо яркое, пронзительное (о звуке): *crash* – грохот, *flash* – сверкание; /-ush/ (*to crush, blush*) обозначает что-либо тусклое, тихое: *crush* – раздавливание, *blush* – блеклый; /-ing/ благодаря сочетанию /-ng/ и высокому звуку /i/ обозначает продление небольшого движения или вибрации, которые заканчиваются плавно: *ding* – звенеть, *swing* – колебаться; /-ink/, имеющее на конце глухой согласный звук, обозначает резкое завершение действия: *clink* – бряцать, *blink* – моргать.

Дж. Уоллис писал о семантике лексем, сводимой к комбинации значений конstituентов. Так, например, в слове *sparkle* (искриться) инициальное сочетание /sp-/ символизирует дисперсию (*spit* – брызгать; *splash* – плескать; *sprinkle* – кропить); /-ar-/ отражает потрескивание; /k-/ – это внезапно прерванный процесс; а конечная /-l/ означает многократное и частое повторение (*wiggle* – извиваться; *wobble* – дрожать; *battle* – сражаться; *twiddle* – вертеть; *mottle* – испещрять и т. д.) [Wallis 1972:39].

Л. Блумфилд в своих исследованиях подробно останавливается на сочетаниях консонантов и закрепляет за ними свойства, которые впоследствии находят свое отражения в значениях ономатопопов. Например, сочетание /fl/ обозначает динамику светового явления – *flash* (вспышка; блеск), движение в воздухе преимущественно резкое – *flap* (движение крыльев птицы), *flick* (внезапное резкое движение), *flac-flac-flac* (звук вертолета); /kr/ обозначает звук громкого удара – *crash* (сильное столкновение, как правило, одного движущегося объекта с другим или с препятствием), *crack* (раскол предмета вследствие, который не потерял свою целостность), *crunch* (громкий приглушенный звук, возникающий при раздавливании, перемещении или ударе о что-либо), /mp/ обозначает непредумышленное неуклюжее движение – *slump* (падение или утопление предмета), *flumppf* (звук кипы конвертов выпадающих из почтового ящика), *bump* (стукнуться или наткнуться на кого-то или на что-то), /sn/ обозначает звук преимущественно совершаемый носом – *sniff* (звук втягивания воздуха через нос), *snore* (издавать фыркающий или хрюкающий

звук во время сна), *snuffle* (громко дышать из-за простуды или плача) [Блумфилд 1968:266–269].

1.1.2. Исследование звукового символизма в японистике

В современной японистике вопросами возникновения и функционирования ономотопеи занимались и продолжают заниматься такие именитые лингвисты как М. Танно, С. Хамано, Х. Кодзима. С. Хамано в своих трудах подробно останавливается на классификации японских ономотопов, а также исследует их структуру. М. Танно так же работает с классификацией ономотопов и дает наиболее полный перечень их форм, учитывая тонкости специфики японской ономотопеи.

Изучение японской ономотопеи привлекло пристальное внимание в рамках обширных исследований в области звукового символизма, который напрямую коррелирует с проблемами происхождения языка и мотивированностью языкового знака. Знаковые исследования в области ономотопозитической лексики японского языка в отечественном языкознании были проведены Н. И. Конрадом, О. В. Плетнером, Е. Д. Поливановым, В. М. Алпатовым, С. В. Неверовым и др. Весомый вклад в развитие исследований в области японской ономотопеи в XXI веке внесли А. А. Подшибякина и Н. Г. Румак. Их достижением стала разработка учебных пособий и словарей по изучению ономотопеи для русскоговорящих.

В Японии ономотопея является достаточно глубоко изученным объектом языкознания. Японские лингвисты в своих исследованиях, прежде всего, базировались на достижениях европейского языкознания, в первую очередь на теории Ф. Де Соссюра, видимо, потому, что его труд «Курс общей лингвистики» был впервые переведён именно на японский язык. Наиболее яркими и продуктивными были исследования М. Танно, С. Хамано, Х. Кодзима. М. Танно представил самую обширную классификацию форм ономотопов. С. Хамано в своих многочисленных трудах описала форму и структуру японских

ономатопов, а также рассмотрела ономатопею в переводческом аспекте, выделяя проблемы и трудности передачи таких слов на иностранный язык. Х. Кодзима провёл обширное исследование по вопросам употребления ономатопеи.

Отправной точкой в исследовании ономатопеи стала теория звукописи А. Судзуки, которая подразумевала корреляцию звука и смысла в этимологическом аспекте. Данная теория получила широкое распространение среди сторонников мнения об ономатопозитическом происхождении языка.

Огромный вклад в развитие современных учений японской ономатопеи сделал Х. Кобаяси. Объяснение сути ономатопов он даёт через явление звукового символизма, которое трактуется не как универсальный принцип, лежащий в основе происхождения языка, а всего лишь как локальное явление в рамках языка. Рассматривая языковые явления в целом с точки зрения теории языкового знака Ф.Соссюра, Х.Кобаяси оспаривает соссюрский тезис о малой распространенности ономатопов, привлекая для этого, кроме японского, также материал корейского языка. В качестве объекта исследования в соответствии с соссюрскими представлениями о языке им выделяется массив обычно употребляемых в синхроническом плане ономатопов. Связанные с денотатом содержательно, ономатопы в целом относятся к мотивированным языковым знакам, существующем наряду с немотивированными (синхроническая теория мотивированности). По мотивационному признаку, утверждает Х.Кобаяси, ономатопы располагаются между полностью мотивированными и полностью произвольными знаками и сочетают свойства обоих «полюсов»: в силу мотивированности знака определенный звук отражает определенное ощущение, произвольный же характер знака проявляется в непостоянстве набора связей «звук-ощущение» в разных языках и диалектах одного языка [Кобаяси 1976: 90].

Более подробного разбора природы данной связи автор не производит, оставляя в силе тезис А.Судзуки о главной роли «обычая» в её формировании. При этом Х.Кобаяси видит одну из причин отсутствия устойчивых связей

«ощущение-звук» в ограниченности языковых средств, не позволяющих распределить по фонетическим дифференциальным признакам всю полноту свойств предметов, как это возможно, например, при передаче символических ассоциаций с «бесчисленным множеством» оттенков цвета.

В дальнейшем японские исследователи ономастопов продолжают уточнять теорию языкового знака Ф.Соссюра, опираясь на материалы ономастопэтики. На основе данных о значительном распространении ономастопэтически окрашенной лексики в различных языках мира подвергается сомнению соссюровский тезис о произвольности речевого знака (Кита 1997, Мацусита 1993). Х.Нома оспаривает и тезис о незначительной роли ономастопэтики в развитии языка, указывая на влияние звукосимволических факторов в формировании не только лексики, но и грамматической системы, - влияние, впоследствии «стёршееся» из-за многочисленных видоизменений лексем. И.Тамори и Л.Скоурап трактуют вопрос о степени мотивированности звуков с точки зрения сочетания в ономастопе лексического (абстрактного) и символического значения (того, на которое «намекают» звуки): последнее объективно существует всегда (например, в виде символизма положения органов речи при артикуляции звука), однако в ономастопэтической лексике вытесняется лексическим [Чиронов 2004:32].

С. Хамано установила каждый японский согласный и гласный в качестве фоностемы и систематично проанализировал ономастопею. Она утверждала, что каждый согласный и гласный имеют конкретное значение. В таблице 1 приведены ее результаты для согласных корней CV. В таблице 2 приведены результаты для гласных корней CV и корней CVCV. Она утверждала, что первый и второй согласные корней CVCV имеют несколько разные значения. Японские звукоподражательные слова имеют различные фонологические характеристики. Также С. Хамано установила, что исконно японские и сино-японские слова не начинаются со звука /p/. В то время как одна шестая ономастопэтических слов начинается с /p/ [Hamano 2014:12].

С. Хамано в одном из своих самых знаковых трудов под названием 日本語のオノマトペ：音象徴と構造 (Японская ономапопея: звуковой символизм и структура) подробно изучает явление звукового символизма в японском языке и приписывает семантические характеристики инициальным консонантам в слогах японского языка. Звук /p/ означает столкновение с поверхностью чего-либо деформируя ее, разрушая или повреждая до такой степени, что она находится в состоянии разрыва – 白身の泡がピンと立った /*сироми но ава га пин то татта*/ – Белые пузырьки поднимались отскакивая друг от друга. Консонант /b/ аналогично в случае корней CV-типа означает напряженные движения совершаемые в отношении поверхности чего-либо – ドアをバンバン叩き続けた /*доа о бан-бан татаки цудзукэта*/ – Я продолжал бить в дверь. Консонанты /t/, /d/, по утверждению С. Хамано обозначают слабые удары или постукивания по поверхности с меньшим напряжением – トンと戸を叩いた /*тон то то о татайта*. С другой стороны говоря об ономапопах CVCV-типа данные звуки уже могут иметь отношение к звукам связанным с жидкостью – ワインをトクトクと注いだ /*вайн о току-току то сосойда*/ – Я с бульканьем наливал вино). По словам С. Хамано /k/, /g/ большинство ономапопов содержащих данные звуки и относящиеся к CV-типу, такие как カーン /*ка:н*/ – металлический звук удара в колокол; キン /*кин*/ – пронзительный звук; связаны с со звуком и внешним видом получения этого звука. Кроме того, ономапопы CV-типа выражают строгость действия, геометричность и определенность. Звуки /s/, /z/ часто означает скользкую поверхность без сопротивления движению; гладкость и т. п – 浮きが水面をスッと走った /*уки га минамо о сутто хаситта*/ – Поплавок быстро пробежал по поверхности воды. Говоря о /h/ ученый-языковед утверждает, что данный звук практически всегда означает потоки воздуха или дыхание, как следует из примера 風がヒューヒュー吹いている /*кадзэ га хю:-хю: фуйтеиру*/ – Ветер завывает. Звук /w/ обозначает эмоциональный выкрик человека или животного – ワー /*ва:.*/, ワン /*ван*/.

Рассматривая характеристики звука /r/, С. Хамано обращает внимание на то, что корень CV-типа содержащий в себе этот звук обозначает счастливые и возвышенные чувства. В то же время в составе корня CVCV-типа данный придает ономотопу значения вращения, перемещения жидкости, как показано с следующим примером – 額から汗がタラタラと流れた /gaку кара асэ га тара-тара то нагарэта/ – Со лба каплями стекал пот. Звук /y/ не используется в корнях CV-типа. В корнях CVCV-типа данный звук обозначает встряску и ненадежность – 夕食の最中ユラユラときた ю:сёку но сайтю: юра-юра то кита – Во время ужина мы ощутили колебания почвы.

С. Хамано проставила колоссально количество примеров в своих трудах в поддержку своей теории и продолжает заниматься вопросами японского звукового символизма и ономотопеи. В дальнейшем большинство ученых, изучающих японскую ономотопею, основываются на ее исследованиях и по сей день.

1.2. Понятие ономотопеи

В русской лингвистической традиции ономотопея рассматривается как один из видов изобразительных слов и является синонимом звукоподражания. Ономотопея в качестве проявления особого рода мотивированности в языке представляет собой явление неоднозначное. Одни ученые склонны отрицать наличие единиц, мотивированных собственным звуковым составом, другие – пытаются доказать неслучайное присутствие определенных звуков. Эти две крайние позиции возникают, вероятно, из-за того, что вопросы мотивированности и произвольности/ непроизвольности языкового знака вышли за пределы лингвистики, приобрели психологический и социокультурный статус.

В современных исследованиях по языкознанию звукоподражания определяются по-разному: изобразительные, а иногда ономотопеические

слова. Понятием «изобразительные слова» чаще всего обозначают широко распространенные, например, в тюркских языках звукоподражательные и так называемые «образные» слова. Отметим, что в отечественной лингвистике существует несколько терминов, связанных с языковой трактовкой звукоподражания: изобразительные слова, идеофон, ономотопея, звуковой символизм, звуковые жесты, мимесис и иконизм. Некоторые из них являются выработанными разными лингвистическими школами вариантами одного и того же явления [Алиева 2014: 27].

Термин «ономатопозитический» в русском языке употребляется, в основном, в словарях и авторских работах и носит узкоспециальный характер. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой приводится определение слова «ономатопозитический» и предлагается следующее толкование звукоподражаний: Звукоподражание (ономатопея) – условное воспроизведение звуков природы и звучаний, сопровождающих некоторые процессы (дрожь, свист, смех и т.п.), а так же криков животных - мяу, гав и т.п. [Ахманова 1966: 205].

Многочисленные источники по-разному трактуют термин «ономатопея», однако, обобщая сказанное лингвистами и обнаруженное в словарях именитых изданий, представляется возможным дать усредненное определение термину, определяющему лексические единицы, которые являются объектом данной работы. Ономотопея – это особый вид лексики, который непосредственно с помощью звуковых ассоциаций передает образ объекта или явления. Ономотопея может обозначать звуки издаваемые живыми и неживыми объектами, явлениями живой и неживой природы, а также атрибуты объектов и физиологические и эмоциональные состояния (в некоторых языках). Стандартные английские примеры включают гудение, мяуканье, крушение и всплеск. Ономотопея представляет собой интересный вызов предположению о том, что связь между формой слова и значением совершенно произвольна, поскольку звуки ономатопозитических слов, похоже, напоминают или

имитируют (по крайней мере часть) их интерпретаций. В слове «гудение» есть что-то похожее на звук, который производит пчела [Соссюр 1977: 44].

Звукоподражание, таким образом, охватывает слова, возникшие на основе фонетического уподобления неречевым звукокомплексом: «мяукать» от «мяу», «хрюкать» от «хрю», «гавкать» от «гав» и т.д. Вместе с тем изобразительные слова, в которых значение частично предопределено значением слова, можно разделить на две группы: собственно звукоподражательные слова, использующие звуки, акустически напоминающие обозначаемые явление (*буль-буль, ку-ку, кап-кап*), и звукообразные, или идеофонические слова, в которых звук создает образное впечатление о форме предметов, их движении, расположении в пространстве, качествах на основе ассоциаций между звуками и звуковыми явлениями (движением, формой и пр.). Звукообразные слова, или идеофоны, являются составляющими более широкого понятия звуковой символизм, который определяется в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой как «предполагаемое наличие у некоторых звуков речи способности непосредственно соответствовать тем или другим представлениям» [Ахманова 1966: 404].

Звукосимволические слова, или идеофоны, часто обозначают различные виды движения, световые явления, форму, величину, эмоциональное состояние человека или животного. В русской традиции звукосимволическая подсистема языка входит (наряду со звукоподражательной подсистемой) в более широкую изобразительную систему языка.

В отношении оноματοпоэтических слов в языкознание было привнесено понятие «звуковой жест» выдающимся русским лингвистом Е.Д. Поливановым. «Звуковыми жестами» Е.Д. Поливанов называет звукосочетания (соединение определенно гласных и согласных в определенном порядке), роль которых аналогична роли общепринятых жестов. В русском языке они представлены словами (или частями слов) *ква-кать, кукарек-ать, стук-стук, трам-тарарам, кап-кап, чирик-ать, хрю- кать, ау-кать, чав-кать* и т. д. [Поливанов 1968: 25].

В связи с небольшой группой звукоподражательных слов, обладающих схожей фонетической формой в разных языках, иногда вводят понятие иконизм, используемый для выражения присущей языку тенденции соотносить значения слов с их звучанием.

Ввиду наличия в языкознании нескольких понятий, которые определяют исследуемый феномен, в качестве основных терминов в настоящей работе были выбраны следующие: звукоподражание, звукоизображение, а также ономотопея, ономотоп. Ономотопея понимается как звукоподражание, или звукоизобразительные слова, основанные на подражании реальным звукам окружающей действительности, в то время как идеофоны представляют собой звукообразные или звукосимволические слова, в основе которых лежит не имитация звуков, а лишь созданные звуком условные образы, ассоциации и представления об окружающем нас мире в психике человека [Скрипник 2010: 82].

Теория звукоподражания или ономотопеэтическая теория представляет собой одну из гипотез о происхождении языка, согласно которой язык возник вследствие того, что человек подражал естественным природным звукам, постепенно придавая им схематический и условный вид. В современных исследованиях по языкознанию звукоподражания определяются по-разному: изобразительные, а иногда ономотопеэтические слова [Скрипник 2010: 83].

Ономотопея эксплицирует в языке акустический денотат. Часто выделяют три группы ономотопов: акустические – экспликация неартикуляторных акустических звучаний внешней среды (англ. *flap*, яп. バタ /*bata*/, рус. *хлоп* – звук удара; англ. *to flap*, яп. バタバタする /*bata-bata suru*/, рус. *хлопать*, *стучать*); артикуляторные «фоноинтракинемы» – экспликация звуковых процессов, происходящих в полостях носа, рта и горла человека (англ. *achoo*, яп. はくしょん /*hakuşōn*/, рус. *пчих*, *апчихи* – звук чихания; нем. *schlecken*, рус. *лизать*, *лакать*); ономотопы говорения – экспликация нерелекторных акустико-артикуляторных звучаний, характеризующих процесс речи

(говорения) в отрыве от конкретного смысла высказывания, в его целевых, модальных, физиологических, акустических характеристиках (нем. *blabla*, *Larifari*, рус. *бла-бла*, *ля-ля* – пустая болтовня; нем. *schlappern*, рус. *шлепать* – болтать, говорить вздор) [Шляхова 2005: 63].

Было проведено обширное исследование ономотопеи, естественной звукоподражательной лексики в основных европейских языках. Тот факт, что значения таких слов естественным образом ощутимы при их произнесении, также хорошо известен после ряда экспериментов с носителями английского, немецкого, французского и испанского языков. Однако некоторыми учеными было высказано несогласие с тем, как объясняется передача семантики ономотопозитических слов посредством простого их восприятия на слух. В отношении английского языка лингвисты, такие как Ф. де Соссюр и Дж. Р. Ферт, которые провозглашали произвольность языкового знака и отрицают существование ономотопеи, признают, что человеку характерно испытывать особые чувства и ассоциации связанные с конкретными словами. Другие ученые решительно поддерживают реальность звукового символизма в английском языке [Firth 1964:24].

О. Есперсен высказался в пользу того, что нельзя отрицать существование слов, значения которых мы чувствуем инстинктивно и способны адекватно описать и выразить идеи, которые данные слова несут в себе. Роджер Браун, который всесторонне рассматривал вопрос о звуковой символической, пришел к выводу, что у носителей языка есть похожие понятия в родном языке о семантических следствиях различных фонетических последовательностей [Graham 1992: 293].

Согласно Соссюру и другим сторонникам доктрины «произвольности знака», звукоподражание является маргинальным явлением в изучении языка и не требует большого внимания в лингвистике, изучении собственно языка: «...в языке нет ни понятий, ни звуков, которые существовали бы независимо от языковой системы, а есть только смысловые различия и звуковые различия, проистекающие из этой системы». Однако, данное мнение оспаривается на

протяжении многих лет и в настоящей работе выражается стремление доказать обратное, а именно то, что ономотопея продуктивна, и общепризнано, что многие языки имеют средства создания слов, которые имитируют звуки. Более того, ономотопея поднимает вопросы, связанные с темами, которые лингвисты (в частности прагматики) в значительной степени занимаются, например, словотворчеством, лексикализацией, природой концептуальных значений и передачей стилистических эффектов. В некоторых языках, а также в некоторых жанрах текста или дискурса, или в некоторых речевых областях, звучит ономотопея. Часто отмечают, например, что японские ораторы широко используют звукоподражание - в той мере, в которой существуют словари, посвященные примерам каталогизации. Точно так же в других, типологически разных языках звукоподражание широко используется детскими авторами и поэтами, и широко встречается в областях дискурса, которые требуют ссылки на чувства, например, обзоры ресторанов, обсуждения рецептов, рекламные и романтические романы.

Ономатопозитическая лексика представляется весьма сложной для иностранцев, в частности, изучающих японский язык, прежде всего в плане употребления (по сравнению с определением значения единиц, употреблённых носителями языка). В этом смысле в данной работе была предпринята попытка указать на некоторые факторы, изолирующие языковой опыт японцев в плане употребления ономотопов от опыта иностранцев (например, с точки зрения культурной укорененности ономотопозитических значений).

1.2.1. Общая классификация ономотопозитической лексики

В отечественной научной литературе известны следующие подходы к классификации ономотопов: экстралингвистические (по звуковому образу, по источнику происхождения звука) и интралингвистические (по лексическому значению). Е.В. Тишина объединяет в своей типологии данные способы

классификации, выделяя четыре группы ономапов: 1) звукоподражания, близкие к междометиям (*кукареку, хи-хи-хи, мням-мням, ква-ква, ам*); 2) лексикализованные ономапы, мотивированные единицами первой группы (*каркать, хрюкать, хрюша, квакать, кукушка, цапнуть, стукнуть*); 3) ономапы, осознаваемые носителями языка лишь на интуитивном уровне за счет частичного воссоздания звукообраза или формальных показателей звукоподражательности (*дребезжать, брызгать, балаболить, тараторить, шуршать*); 4) звукоподражательные слова, утратившие свой первоначальный звуковой образ (*скала, щель, клёст, синица, черта*) [Тишина 2010: 56].

В рамках настоящего исследования для удобства сообразным видится заменить понятие «группы» на «уровни». Таким образом, получаем ономапы первого уровня, второго уровня и так далее соответственно, причем первый уровень гораздо ближе к исходным звукам живой и неживой природы, чем четвертый. Действуя согласно данной классификации при анализе первичных и вторичных автономных номинаций смеха в английском языке возможно сделать следующие выводы: первичные номинации смеха, возникшие вследствие имитации звуков смеха человека относятся к ономапам третьего уровня. Такие единицы как *laugh, giggle, tee-hee* осознаются носителями языка лишь на интуитивном уровне за счет звукоподражательной природы, частично напоминающей первоначальные звуки смеха человека. Вторичные автономные номинации, имитирующие звуки смеха *cackle, hee-haw, nicker, whinny*, могут быть проанализированы двояко. В случае их рассмотрения согласно первичному прямому значению, а именно *кудахтать, игогокать, блеять и ржать* их сообразно отнести к имитативным единицам второго уровня, которые мотивируются междометиям первого уровня и близки к оригинальным звукам животного происхождения. Однако рассматривая их в рамках исследования смеха человека, где значение смеха основывается на метафорическом переносе звуков животных и проявляется не ранее второго толкования значения единицы в словаре и относится к переносному значению,

возможно смело относить их к ономотопам третьего уровня, которые лишь частично воссоздают звукообраз оригинальных животных звуков.

Интралингвистический анализ ономотопоэтической глагольной лексики смеха выявил следующие структурные особенности. Английские звукоподражания смеха представлены: односложными единицами: *laugh, cackle, titter*; составными образованиями (словостяжениями): *tee-hee, hee-haw*. Английские ономотопы характеризуются высокой продуктивностью конверсионного способа словообразования, что способствует беспрепятственному переходу звукоподражаний из одной части речи в другую, а именно: *laugh (n) – to laugh (v), giggle (n) – to giggle (v), cacke (n) – to cackle (v)* и так далее. Английские звукоподражания представлены большим количеством звукоподражательных единиц, содержащих редупликацию и чередование звуков. В данном случае наблюдаются неполные повторы: *hee-haw, tee-hee*.

С.В. Воронин классифицирует звукоизобразительные слова по акустическим характеристикам объекта. Звукоподражательные / ономотопоэтические слова классифицируются по типу звучания и типам сочетаний звучаний, которые находят звукоизобразительное отражение в ономотопах. При этом принимаются во внимание пять основных параметров звучания: I - высота, II - громкость (интенсивность звука), III - время, IV - регулярность и V - диссонантность. Выделенные пять основных типов звучания служат основой для объективной характеристики звучаний и выявления классов и типов звучаний, находящих отражение в звукоподражательной подсистеме языка. По параметру I звучание характеризуется как высокое или низкое, по параметру II - как громкое или тихое, по параметру III - как удар или неудар, а класс неударов далее делится на краткие и длительные. По параметру IV среди неударов выделяются два противопоставленных класса - шум и тон, или шумовой и тоновой неудары. По параметру V выделяются диссонанс и недиссонанс, к недиссонансам относятся как удары, так и неудары, а диссонансы представляют собой серию ударов [Воронин 2006:74].

Касательно классификации звуко-символической подсистемы языка, согласно С.В. Воронину, выделяются три основных класса звуко-символической лексики: интракинесемизмы (фоно- и мимеоинтракинесемизмы), экстракинесемизмы и интра-экстракинесемизмы. Внутри классов так же, как и в звукоподражательной подсистеме, проводится более дробное деление на различные типы лексики на основе фоносемантических групп.

Всего выделяется 36 типов фоноинтракинесемизм: «I. Втягивание носом воздуха; II. Фырканье; III. Храп; IV. Посвистывание ртом или носом; V. Чихание; VI. Лизание, лакание; VII. Сосание; VIII. Всасывание (ртом жидкости); IX. Плевание; X. Чмоканье (смакование); XI. Цоканье; XII. Щелканье; XIII. Чавканье; XIV. Дуновение (ртом); XV. Вздох; XVI. Дыхание с присвистом; XVII. Плач, вой; XVIII. Громкий крик; XIX. Оранье, рев; XX. Пронзительный крик; XXI. Смех; XXII. Кусание; XXIII. Зевота; XXIV. Ворчание; XXV. Стон; XXVI. Хныканье; XXVII. Хихиканье; XXVIII. Удушье; XXIX. Глотание; XXX. Икота; XXXI. Кашель; XXXII. Жиление; XXXIII. Резкое движение; XXXIV. Рыгание; XXXV. Рвота; XXXVI. Хрип» [Воронин 2006:74].

В английском языке термин оноματοпея консолидирует всю звукоподражательную лексику, как правило, не подразделяя на отдельные классы, однако некоторым лингвистам удалось классифицировать английские ономатыпы чего и мы хотели бы достичь в настоящей работе.

К первому классу относится так называемая первичная оноματοпея – звуковые проявления, которые имитируют физиологию человека. Примерами таких проявлений могут служить ономатыпы имитирующие кашель – *cough-cough*, храп – *snore* и др.

Ко второму типу соответственно относится вторичная оноματοпея – звуковые проявления, состоящие из звукоподражаний, которые имитируют звуки окружающей среды, такие как звуки животных *ribbit*, *bow-wow*; звуки, воспроизводимые под воздействием человека *knock-knock*.

В японском языке звукоподражания достаточно четко классифицированы и разделены на три основные группы по характеру явлений, которые они

иллюстрируют. К первой группе относятся слова *擬音語* /гионго/, которые имитируют звуки неживой природы; вторая группа *擬声語* /гисэйго/ – слова имитирующие звуки издаваемые людьми и животными; и третья группа *擬態語* /гитайго/ – слова обозначающие звуки явлений, которые как правило не имеют звукового аналога в природе, такие как физические и эмоциональные состояния человека, перемены, ситуации, атрибуты объектов и т. п.

Уникальность класса гитайго заключается в том, что корреляция звука и значения ономастопов связана с явлением синестезии, а точнее с акустическим значением неакустических феноменов. Таким образом, конкретные звуки могут вызвать вкусовые, тактильные и другие виды ощущений. Такие ономасты обозначают физические состояния и явления и атрибуты объектов.

В отечественном и западном языкознании классы ономастопов гионго и гисэйго образуют группу звукоподражательных слов, а слова гитайго в свою очередь относятся к звукоизобразительным словам (mimetic words).

Таблица 1 – Три класса ономастопов в японском языке

オノマトペ/Ономастопея		
Гионго/Гисэйго		Гитайго
<p><i>ガンガン</i> /ган-ган/ Продолжительный звук сильных ударов преимущественно металлического тяжелого предмета</p> <p>Пример: 2台の車が<u>ガンガン</u>と体当たりしながら疾走するシーン。</p> <p>Перевод: Сцена гонок, в которой автомобили с грохотом бьются бортами</p>	<p><i>ワンワン</i> / ван-ван Лай собаки</p> <p>Пример: 毎日、この犬が窓の前で<u>ワンワン</u>鳴っていたから、今週、私は眠れなかった。</p> <p>Перевод: На этой неделе я не смог выспаться, так как этот пёс каждый день лаял под моим окном</p>	<p><i>ふりふり</i> /пури-пури/ Выражение гнева и злости мимикой лица или действиями</p> <p>Пример: <u>ふりふり</u>怒ってないで!</p> <p>Перевод: Кончай злиться!</p>

Чаще всего звукоподражательные слова функционируют как междометия, однако в предложении могут выполнять совершенно разные роли. Т. Сугахара

классифицируя ономатопы в английском языке обнаружил, что наиболее частотной грамматической категорией, которую они принимают – глаголы. В японском языке ономатопы чаще всего функционируют как наречия, которые примыкают к глаголам для того чтобы обозначить разные оттенки действий.

1.2.2. Структурные и функциональные особенности английских и японских ономатопов

Ономатопоэтическая лексика в английском языке обладает некоторыми устойчивыми характеристиками: 1) большая эксплицитность (из-за сравнительно небольшого числа флексий и аффиксальных образований.) В английском языке ономатопы большей частью либо состоят из одного корня: *bang (n); plop (n)*, либо присоединяют очень ограниченное число флексий (одну, редко две): *screamed; creaking; squeaker*, тогда как в русском языке звукоподражательные корни чаще всего окружены другими морфемами и их звукоподражательный характер в меньшей степени ощущается говорящим и слушателями (*грох-ну-ть-ся; за-скрип-е-ть*); 2) беспрепятственный переход звукоподражаний из одной части речи в другую: *hiss (v)* – шипеть – *hiss (n)* – шипение; *ding-dong (v)* – звенеть – *ding-dong (n)* – звон; 3) ориентированность языка на отображение слуховых ощущений, то есть при описании ситуации наговорящий отдает предпочтение звуковым восприятиям, нежели зрительным. Значительное количество звукоподражательных единиц, содержащих редупликацию и чередование звуков *quack-quack* – кря-кря, *plod-plod* – стук копыт, *tick-tick* – тиканье часов и т.п.

Японские ономатопы имеют достаточно чёткую и упорядоченную структуру. Как и во многих языках, идентифицировать такие лексемы в тексте можно по их редупликативным и геминативным составляющим. В основном ономатоп представляет собой основу или ядро, которое состоит из двух слогов или мор, и подразумевает основное значение выражения. Далее к ядру могут присоединяться форманты и служебные элементы, которые выражают тонкие

различия между подобными звуками, что указывает на динамику его значения. М. Танно в своём исследовании выделяет 55 форм онома톱ов, однако в соответствии с современными исследованиями ученых-японистов количество форм онома톱ов, широко используемых японцами в повседневной жизни, сводится к 5 наиболее частотным, которые можно увидеть в табл. 2.

Таблица 2 – Самые частотные формы японских онома톱ов

Форма	Звукоподражание	Звукоизображение
CVCVCVCV	<i>カチカチ /кати-кати/</i>	<i>ドキドキ /доки-доки/</i>
CVCVQ	<i>カチッ /кати/</i>	<i>ドキッ /доки/</i>
CVCVri	<i>カチリ /катири/</i>	<i>ドキリ /докири/</i>
CVCVN	<i>カチン /катин/</i>	<i>ドキん /докин/</i>
CVQCVri	<i>カッチリ /каттири/</i>	—

Прежде чем давать описание этой таблицы, необходимо обратить внимание на то, что японский язык является слоговым. Это означает, что минимальной смысловозначительной единицей в японском языке является не фонема, а слог (или мора – минимальная значимая единица просодии). По мнению Е.Д. Поливанова, именно мора является минимальной фонетико-фонологической единицей в японском языке. Таким образом, «С» обозначает согласный звук, «V» – гласный. Кроме того, существует 3 моры /N/, /R/ и /Q/, которые не оканчиваются на гласный, но постоянно используются в составе звукоподражательной и звукоизобразительной лексики. /N/ (ん) представляет собой носовой звук, который часто играет роль геминаты, /R/ (ー) обозначает удлинение предыдущей гласной, /Q/ (っ) выполняет функцию удвоения следующего согласного, а также используется в качестве обозначения гортанной смычки. Несмотря на то, что /Q/ не обладает звуковой оболочкой, он все равно характеризуется как мора. В таблице 2 эти фонетические элементы обозначаются буквами /N/, /R/ и /Q/ соответственно [Наmano 2014: 89].

В таблице 2 представлены самые распространенные формы ономапопов. Следует также отметить, что ономапопия записывается с помощью фонетических азбук *хираганы* и *катаканы*. Хирагана используется для записи слов японского происхождения *和語* /*ваго*/, флексий и звукоизобразительной лексики *擬態語* /*гитайго*/, катаканой в свою очередь записываются иноязычные слова *外来語* /*гайрайго*/, а также звукоподражательные слова *擬音語* /*гионго*/; *擬声語* /*гисэйго*/. Такой способ позволяет выделить ономапопы графически в тексте и определить их классовую принадлежность, что является бесспорным преимуществом для изучающих японский язык иностранных студентов.

В табл. 2 представлен пример ономапопа *カチカチ* /*кати-кати*/, который обозначает звук, издаваемый твёрдыми металлическими предметами при лёгком продолжительном касании друг о друга. *カチ* /*кати*/ является ядром ономапопа, редупликация которого по формуле CVCVCVCV означает продолжительные повторы касаний металлическими предметами. *カチカチ* /*катикати*/ обычно используется для обозначения тиканья часов, постукиваний, щелканий и т. п. Формула CVCVQ показывает, что звук возникает единожды. Таким образом, *カチッ* /*кати*/ передаёт звук, издаваемый при одиночном касании металлических предметов. CVCVri обладает теми же свойствами, что и CVCVQ, однако формант /ri/ обозначает, что издаваемый звук характеризуется немного большей длительностью, чем в предыдущем случае. Форма CVCVN обозначает гулкий стук металлических предметов друг о друга. CVQCVri обозначает более долгий звук с дополнительным оттенком значения в зависимости от ситуации.

Нередки случаи, когда звукоподражательное слово способно содержать в себе свойства звукоизобразительного. К примеру, *カチカチ* /*кати-кати*/ в значении звукоизображения акустически создает образ нервной напряженности, а также входит в состав фразеологизма *カチカチ頭* /*кати-кати атама*/,

который можно употребить в отношении неразговорчивого человека, с трудом приспособляющегося к окружению.

Помимо динамики значения ономатопа, которую обеспечивают форманты и служебные частицы, они так же наделяют каждую из форм характерными семантическими признаками. К примеру, форма CVCVCVCV обозначает продолжительный повтор звука или движения – *ピカピカ /ника-ника/* (продолжительное свечение). Форма CVCVQ выражает мгновенное внезапное явление – *バタッ /бата/* (внезапное падение). Форма CVCVri описывает стадию завершённости и приведение предмета или явления к окончательной фазе – *にたり /нитари/* (радость от удачно исполненного задуманного). CVCVN чаще всего указывает на то, что издаваемый звук подвержен реверберации или эху – *ズドン /дзудон/* (звук выстрела). Форма CVQCVti выступает в роли эмфазы – *ごっそり /госсори/* (приобретение или потеря большого количества свойств, качеств или предметов).

Как было упомянуто выше, оноματοпозитическая лексика используется в японском языке в самых различных языковых сферах, жанрах и регистрах речи – устном общении, художественной литературе, СМИ, рекламе и т. д. Таким образом, в каждой сфере японского языка оноματοпея находит своё применение благодаря своей широкой функциональности. Ниже приводятся примеры использования оноματοпеи в некоторых языковых сферах и описываются функции, которые она там выполняет.

1. Бытовое общение: *ピリピリした空気* – Напряженная атмосфера.
2. Художественная литература *昔のイタリア映画に出てくる戦災孤児みたいにやせて、目だけがぎょろぎょろしていた* – Была она худощавой словно сирота войны из старых итальянских фильмов – одни глаза (Харуки Мураками, «Мой любимый Sputnik», 1999).
3. СМИ: *寒くなると、人だけでなく動物が温泉で暖まる光景を目にしますが、あのカピバラたちがポカポカしている名物の場所から報告です* –

Когда становится холодно можно увидеть, что не только люди, но и животные греются в горячих источниках. Мы ведем репортаж с места, где зверки капибара нежатся в тепле (ANN News, Japan).

4. Реклама: *古い角質ポロポロむける!* – Старый ороговевший слой кожи отшелушивается!

Доктор: *どうしましたか。* / Что случилось?

Пациент: *毎日、頭が痛いんですよ。* / У меня каждодневные головные боли.

Доктор: *どのように痛いですか。* / Какие боли Вы испытываете?

Пациент: *頭○○○○するんです。* / ...

ズキズキ /*дзуки-дзуки* – продолжительная пульсирующая боль;

ズキンズキン /*дзукин-дзукин* / – стреляющая боль;

ガンガン /*ган-ган* / – ощущение гудения, звона из-за боли;

シクシク /*сику-сику* / – слабая, но раздражающая продолжительная боль;

キリキリ /*кири-кири* / – продолжительная острая боль как от ввинчивания сверла.

Выше приведены примеры некоторых оноματοпоэтических единиц, которые иллюстрируют характер болей, которые гипотетически мог бы испытывать человек, обратившийся к врачу. В данном случае оноματοпея как нельзя лучше подходит для описания физического состояния, поскольку воспроизводимая информация, воспринимаемая рецепторами слушающего, активизирует интермодальность ощущений (акустическо-тактильная синестезия), благодаря чему реципиент с помощью модальной памяти может с абсолютной точностью понять характер болей. Такой эффект создается посредством механизма, который совершается при воспроизведении оноματοпоэтических единиц – прямая передача сенсорной информации языковыми средствами без её преобразования на понятийном уровне [Чиронов 2004: 32].

Японская реклама, пожалуй, самый яркий и наглядный пример использования оноματοпеи. Современная реклама пестрит всевозможными

лозунгами и красочными упаковками с использованием многочисленных звукоподражательных и звукоизобразительных единиц лексики. Такие слова занимают особое место в рекламе, так как они выполняют ряд важнейших для сферы рекламы функций: эмоционально-экспрессивную – с помощью редупликации и эллипсиса, образно-графическую – посредством использования ярких, привлекающих внимание стилизованных шрифтов, образующих креолизованный текст, а также компрессивную функцию для лаконичной передачи языковых средств [Подшибякина 2003: 35].

Продукты питания:

1) わたパチ /*vatanami*/ – Взрывная вата

わたパチ /*vatanami*/ - весьма популярный продукт питания в Японии, который представляет собой сахарную вату со вкусом дынной содовой и «взрывной» карамелью внутри. На упаковке продукта использованы 2 ономатопа, а в названии содержится ядро ономатопа *パチ* /*nami*/. Звукоподражание *パチパチ* /*nami-nami*/ обозначает многократный треск, искрение, лопание небольших предметов. В данном случае *パチパチ* /*nami-nami*/ передаёт звук потрескивания карамели во рту. Другое звукоподражание *シュワシュワ* /*syuwa-syuwa*/ обозначает звук с силой и в течение продолжительного времени выходящего на поверхность газа, жидкости, что у носителей японского языка вызывает прямую ассоциацию с шипением газа при открывании бутылки с содовой.

2) 東京さくさくチーズケーキ /*To:kjō: saqu-saku ti:dzuke:ki*/ – Токийские хрустящие чизкейки

Реклама европейских десертов, которые всегда пользуются большим спросом в Японии, также содержит ономатопею. Ономатоп *さくさく* /*saqu-saku*/ обозначает звук лёгкого раскусывания чего-то, что обладает приятной хрустящей текстурой. Таким образом, звукоизобразительное слово *さくさく* /*saqu-saku*/ передаёт звук тоненького тающего во рту печенья.

Косметические средства:

1) つるつるの美肌！ /*Цуру-цуру но бихада!*/ – Блеск красивой кожи!

Наиболее частотный ономатоп, который встречается на упаковках средств по уходу за кожей, – つるつる /*цуру-цуру*/. Эта лексическая единица обозначает гладкость поверхности (в данном случае кожи), её здоровый блеск и сияние.

2) ホロホロ角質落ちろ！クリア！！ /*Поро-поро какусицу отиру!* *Куриа!!*/ (англ. Clear) – Омертвевшие клетки кожи отшелушиваются на глазах! Кожа чиста!

Такой слоган можно увидеть на упаковке пилинг-геля для лица, который призван удалять ороговевший слой эпидермиса для того, чтобы кожа оставалась молодой и здоровой.

Значение ホロホロ /*поро-поро*/ – продолжительное падение мелких частиц или сгустков – обычно сочетается с глаголом 落ちる /*отиру*/, который на русский язык передаётся как «падать».

Если в западных рекламных текстах тенденция использования звукоподражаний только набирает популярность, то в Японии ономатопея в рекламе – обыденное явление. Такая лексика наилучшим образом отвечает требованиям благодаря компрессии, экспрессивности и графическим свойствам, которые привлекают внимание потребителей.

Одной из наиболее важных функций, которую выполняет ономатопея в японском языке – это сужение или уточнение значений глаголов обладающих более широким значением. В японском языке сравнительно небольшое количество глаголов описывающих разные оттенки одного действия. В русском языке и в большинстве других западных языках напротив преобладает большое количество глаголов, которые отдельными лексемами выражают разнообразные оттенки действий. В японском языке данную функцию выполняют ономатопы, которые примыкают к глаголу, например, оттенок глагола *идти/шагать* в значении двигаться медленно без особого напряжения в русском языке выражается глаголами *брести, плестись, тащиться*. В японском языке к

глаголу 歩く /аруку/ – *шагать* присоединяются онома топы, которые придают конкретный оттенок значения глаголу – とほとほ歩く /тобо-тобо аруку/ брести; неспешное передвижение ногами вследствие усталости, のろのろ歩く /норо-норо аруку/ плестись; лениво передвигаться черепашьим шагом, てくてく歩く /тэку-тэку аруку/ тащиться; еле волочить ноги.

Итак, изучая теоретические положения достоверных академических источников, можно прийти к выводу о том, что взаимосвязь звука и значения, участвующих в формировании слова как языкового элемента, на протяжении многих веков являлась объектом внимания исследователей. Изучение явления звукоподражания внесло определенный вклад в решение важных проблем языкознания, таких как формирование языка, мотивированность и произвольность языкового знака, характер связи между понятием и именем (словом), его обозначающим.

2. Языковые характеристики английской и японской оноματοпоэтической лексики в поликодовых текстах

2.1. Комиксы и манга как лингвокультурное явление

Современное массовое искусство тяготеет к визуализации, таким образом, современная литература постепенно породила совершенно новую интерпретацию произведения, которое отвечает требованиям визуального восприятия. Такими произведениями являются – американский комикс и его самобытный японский аналог – манга. В современной научной литературе феномен комикса и манги выступает как объект междисциплинарного исследования и рассматривается в таких областях знания как: социология, психология, культурология, искусствоведение, литературоведение, лингвистика, теория коммуникации и нейролингвистическое программирование.

Скотт МакКлауд сформулировал определение понятия комикс, которое представляется наиболее подходящим: «комикс – это объединенные в пространственные последовательности образные или другие знаки, задача которых состоит в том, чтобы передавать определенную информацию и / или вызывать у реципиента соответствующую эстетическую реакцию» [McCloud 2009: 38].

Исследователь комиксов А.Г. Сонин определяет их как «особый способ повествования, текст которого представляет собой последовательность кадров, содержащих, кроме рисунка, вербальное произведение, передающее преимущественно диалог персонажей и заключенное в особую рамку. При этом рисунок и заключенный в него вербальный текст образуют органическое смысловое единство» [Сонин 2004: 12].

Комиксы изучались с использованием многих формализмов, охватывающих историю современного лингвистического исследования, от структурализма и порождающей грамматики до когнитивной и прикладной лингвистики. Эти подходы внедрились в свои собственные парадигмы, поэтому вклады каждого из них будут обсуждаться в широком обзоре

лингвистическое исследования, которое было сделано с использованием комиксов.

Таким образом, комикс – это открытая семиотическая система, включающая в себя набор лингвистических и экстралингвистических знаков, которая реализуется в виде текста, построенного с учетом внутренних законов структурной организации комикса. В структуру комикса входят такие элементы, как:

- панель – минимальная единица членения текстового единства комикса и манга;
- организация последовательности панелей в полосу, обеспечивающая последовательность повествования;
- внутрипанельная организация (обязательное наличие картинки – визуального плана и возможное наличие диалогической/монологической речи – вербального плана и титров).

Благодаря взаимодействию в них вербальных и невербальных компонентов, комикс и манга сочетают в себе высокий объем информации, рассчитанной на максимальную простоту восприятия. Под вербальными компонентами понимается буквенный текст, все речевое единство в рамках комикса. Здесь выделяются два подвида: речь персонажей и авторская речь (включающая титры, заголовки, авторское резюме, комментарии ко всему комиксу или к отдельным эпизодам). Речь персонажей помещена в специальное пространство, которое представляет собой «облачко» или «пузырь», исходящие от головы персонажа и заключающее в себе его реплику. В исследованиях комиксов данное пространство называется филактером [Козлов 2002: 25].

Графический компонент занимает не меньшую часть сигнификативного пространства комикса и манги, чем вербальный. Широкий спектр возможностей, которые они предоставляет для взаимодействия вербальных произведений с элементами рисунка внутри кадра или их согласования с общей композицией кадров на странице. По подсчетам А.Г. Сониной, в среднем 16 % кадров в комиксе – чисто пиктографические, тогда как количество кадров, в которых

отсутствует пиктографический компонент, ничтожно мало. Согласно его исследованиям, рисунок, являющийся неотъемлемой частью кадра, легко справляется с задачами повествования без помощи текста, чему способствует использование определенного набора средств графического вычленения смысловой доминанты. К «внешним» средствам он относит изменение позы персонажа и графической структуры кадра, которое проявляется в движении планов (общий, средний, крупный, американский) и углов зрения, задающих динамические характеристики, а также служащих соединению отдельных рисунков в более крупные единицы с целью воссоздания континуальности повествования. К «внутренним» средствам, передающим динамику рисунка, а также эмоциональное состояние персонажа, относятся штрихи, окружающие героев, и линии, передающие движения объектов внутри кадра [Сонин 2004: 38].

Развитие комикса повлияло на особое восприятие леттеринга, который включает четыре стилистические функции: 1) акцентуация, 2) громкость голоса, 3) особенности произнесения отдельных фраз, 4) индивидуальные характеристики героя.

Звуковое пространство комикса обусловило существование обширной базы для создания фонетически мотивированных знаков. Фонетически мотивированные знаки используют письменность естественных языков, то есть являются знаками, зависимыми от национальной окраски комикса, другим словами, являются идиотэическими. Развитие фонетически мотивированных знаков комикса оказалось довольно результативным процессом, и вскоре на базе заимствованной комиксом ономапии естественных языков стали развиваться фонетически мотивированные знаки, появившиеся непосредственно благодаря условиям самого комикса. Большинство из этих знаков развивалось в определенных семантических полях. Можно выделить, к примеру, такие семантические поля, в которых развивались фонетически мотивированные знаки комикса: механические звуки/шумы, разрушение, движение, рассечение воздуха, звуки, издаваемые животными, звуки,

издаваемые человеком, шум драки, эмоциональное состояние персонажа и многие другие.

Фонетически мотивированные знаки американского комикса возникают чаще как результат заимствования из английского языка, тогда как манга чаще продуцирует новые знаки на базе ядерных элементов, что способствует внедрению комиксовых знаков в структуру самого японского языка. Помимо звукоподражания, манга использует и создает большое количество образоподражательных выражений, применяемых для отражения атмосферы манга, образов, настроения, эмоционального состояния и характеристик героя.

Употребление этих звуков в ономапии, а также и их сочетание с графическим образом привносит особое впечатление цельности передаваемого образа.

Таким образом, комикс представляет собой сложное произведение, формирующееся во взаимодействии двух исходных систем – вербальной и пиктографической. Несмотря на гетерогенность его составляющих, он характеризуется высокой степенью их согласованности и целенаправленности в представлении информации. Ниже для демонстрации большей наглядности представлены фрагменты американских комиксов и японских манга.

№1

№2

№3

№4

Для США комикс – явление социополитическое. В этом плане функциональным назначением текста является регулирование поведения адресата. Комикс в США, распространяя свое влияние, быстро вытеснял классическую литературу, трудно воспринимаемую американцами в условиях ускоряющегося темпа жизни. Нельзя не заметить, что американский комикс способствовал стереотипизации мышления, создавая двухплановую систему героя-стереотипа: дихотомию «супергерой-суперзлодей» [Полякова 2004: 15].

В Америке комикс рассматривался как простое развлечение для детей и зачастую осуждался общественностью за делегирование к деградации у детей, а также просто за негативное влияние. По большому счету, воспринимаемая таким образом концепция комиксов, пригодная только для несовершеннолетних развлечений, определила путь их развитие в Соединенных Штатах. В результате жанр «Супергероя» вскоре стал доминирующей категорией в жанре комиксов. Эти яркие и харизматичные протагонисты доблестно сражаются с силами зла, всегда заканчивающимися победой за справедливость и восстановлением статус-кво, а также и защищают моральные ценности человечества.

На протяжении многих лет они росли по сложности и тематике, но в значительной степени они ограничивались границами жанра. Следует заметить, что было много андерграундных художников, которые использовали данный жанр для других целей, но редко, если вообще когда-либо, находили успех, благодаря продолжающейся ассоциации комиксов с детьми. Однако в Японии этого не произошло. Хотя манга для детей, конечно, широко распространена и пользуется широким кругом читателей, в той же мере, как и манга, созданная для более зрелых читателей. Тема японской манги также охватывает гораздо более широкий круг жанров, чем у их американских аналогов.

К концу 80-х годов манга стала мощной культурной силой в коммерческом и любительском секторах. Международное признание за коммерческое производство манги поставило его в один ряд с другими великими литературными традициями во всем мире, доказав, что данный жанр может использоваться для важных, имеющих культурное значение целей. В то же время, любительская сцена манга выросла в геометрической прогрессии. В 1992 году на Comic Market присутствовало более 250000 фанатов и художников-любителей, что сделало его крупнейшим публичным собранием в Японии.

С начала послевоенной эры до середины 1990-х годов манга-среда стала одной из самых распространенных форм развлечения и общения в Японии. В 1994 году было двенадцать различных журналов манга, которые могли похвастаться тиражом более миллиона.

В американских комиксах события чаще всего разворачиваются вокруг одного персонажа, который уже получил широкое признание у аудитории читателей. Такой прием весьма популярен, поскольку издательства комиксов желают быть застрахованы от случаев, если новый потенциальный герой не сможет завоевать внимание у читателей.

Манге присуще рассмотрение вневременных проблем, более абстрактных, поэтому идеи и мораль в ней подаются эксплицитно. Комиксы фокусируются на более актуальных проблемах. Более того, если в манге ответ

чаще всего четко определен (праота на стороне главных героев, поскольку их методы менее неоднозначны с точки зрения морали и нравственности), то в комиксах обе стороны могут быть по-своему правы, и даже протагонисты не идеальны [Садкеева 2015: 20].

Несмотря на то, что на первый взгляд обывателей комикс и манга являются практически идентичными представителями жанра визуальных новелл, это весьма ошибочное мнение. Сопоставляя комиксы и манга, можно выделить ряд уникальных особенностей присущих только комиксу или только манге. В первую очередь, что визуально заметно – это расположение текста. В комиксе текстовая информация располагается традиционно горизонтально слева направо, а в манге наоборот – вертикально справа налево. Несмотря на то, что в Японии уже давно существует тенденция издательства книг по европейскому стандарту – горизонтально слева направо, то японская манга издается исключительно в соответствии с традиционными стандартами книгопечатания. Другое характерное отличие комикса от манги – это форма фреймов. В комиксах фреймы чаще всего имеют форму квадрата, а фреймы в манге преимущественно трапециевидные. Третья особенность это проблематика нарратива. В случае комикса она конкретна и актуальна, а манге в данном случае свойственна атемпоральность. Следующее свойственное отличие комиксу и манге – это характеристики персонажей: 1) в комиксах: женские равны по силе и независимости мужским; в манге: женские персонажи обладают слабее мужских физически и психологически; 2) в комиксах: женский персонаж эволюционирует из слабого в более сильного; в манге: женский персонаж из сильного и самодостаточного превращается в более нежного и слабого; 3) в комиксах: любовная линия глубоко прописана и является важной частью повествования; в манге: любовная линия находится на периферии повествования и не влияет на сюжет [Садкеева 2015: 21].

Подводя итоги, следует сказать, что, хотя комиксы и манга, являясь видами креолизованного текста, схожи по формату, они имеют много различий, обусловленных в первую очередь национально-культурными признаками

авторов и читательской аудитории. Часть отличий объясняется особенностями визуального восприятия американской и японской аудитории, часть – различной структурой английского и японского языков.

2.2. Ономатопея как ключевой атрибут поликодовой составляющей текста комиксов и манга

С появления комиксов прошло уже более века, однако рисованные истории только набирают популярность среди людей всех возрастных групп. Привычные для нас комиксы появились в середине двадцатого века в США, и впоследствии повлияли на развитие японских рассказов в картинках, именуемых мангой. И тот, и другой виды произведений относятся к формату поликодовых текстов, которые совмещают в себе визуальную невербальную часть и текстовую вербальную часть, которые неразрывно коррелируют друг с другом.

С точки зрения современного языкознания содержание комиксов относится к поликодовым (креолизованным) текстам.

К креолизованным текстам относятся тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/ речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам) [Сорокин 1990: 182].

Креолизованный текст – это один из видов поликодовых текстов, который характеризуется своей гибридной составляющей. Фактура такого текста объединяет в себе две части – вербальную и невербальную. Вербальная часть такого текста представляет собой речевую среду выраженную знаками, которая относится к естественному языку. Невербальная часть принадлежит к другим знаковым системам и состоит из изобразительных компонентов, таких как анимация, изображение, графическое оформление языковой части текста и др. Эти части креолизованного текста находятся в неразрывной смысловой связи между собой [Анисимова 2003: 8].

Понятие «креолизированный текст» употребляется для определения любого печатного материала комикса, рассматриваемого как совокупность гетерогенных знаков, для которого необходимо установить соотношение между его вербальными и невербальными составляющими. Как известно, в комиксе информационная ёмкость и прагматический потенциал невербальных (паралингвистических) средств часто выше, чем у вербальных средств, поэтому лингвистика комикса и преобразуется в лингвистику семиотически осложнённого знака. Изображения и слова в комиксе не являются суммой семиотических знаков, их значения интегрируются и образуют сложно организованный текст, в котором между вербальной и изобразительной частями устанавливаются разные корреляции, определяющие механизмы построения комикс-сообщения.

Невербальные, или паралингвистические средства определяются как средства, существующие в пределах графемной системы текста и нарушающие «прозрачность» графической субстанции языкового выражения. В свою очередь, А.М. Баранов и Л.Б. Паршин предлагают различать паралингвистические средства в зависимости от механизмов их создания [Баранов 1989: 52].

Принимая во внимание такое разделение, можно предположить, что в комиксе используются супраграфемные средства (шрифтовое варьирование) и топографемные средства (плоскостное варьирование). Паралингвистические средства, определяющие внешнюю организацию комикса, образуют поле паралингвистических средств комикса [Анисимова 2003: 17]. Оно включает особую графическую сегментацию (кадры) и их специфическое расположение на листе, обязательное наличие иконического и вербального знаков, использование различных шрифтов. Использование паралингвистических средств в комиксе является важным типобразующим признаком и позволяет говорить о существовании определённой «графической нормы», регулирующей его «внешнее» оформление.

При этом для восприятия комикса необязательно прямое семантическое соответствие между буквой и изображением. Но в целях успешного осуществления коммуникации в комиксе необходима связь вербального и иконического знаков на содержательно-языковом уровне. Семантическая зависимость одного знака от другого «подкрепляется» при этом соответствующими языковыми маркерами в вербальной части. Данные маркеры могут соотносить вербальные и иконические элементы непосредственно (эксплицитно выраженная связность) и опосредованно, неявно (имплицитно выраженная связность). Эксплицитно выраженная связность бывает нескольких типов, как: структурная, идентифицирующая и др. Для комикса характерна в большей степени идентифицирующая связность, при которой иконический знак идентифицирует отправителя/получателя сообщения.

Имплицитная связность в комиксе носит не явно выраженный характер, устанавливается на основе более тщательного соотнесения вербального и иконического компонентов, выявления их внутренних семантических связей. Структурная связность, для которой характерно непосредственное включение иконического знака в вербальный компонент, где он может замещать вербальный знак, широко используется в комиксе, также являясь аттрактивным средством. Взаимодействуя с вербальным знаком в языковом контексте, иконический знак выступает в качестве синтаксического эквивалента слова или предложения.

Неязыковая часть поликодового текста обладает универсальной функциональностью, так как при передаче информации реципиенту учитывается и эстетическое воздействие, и техническая сторона оформления. Е. В. Козлову отмечает, что комикс обладает следующими основными текстовыми свойствами как: целостность, связность, членимость, изолированность [Козлов 2002: 72].

Е. В. Козлов подробно останавливается на определении информационных рядов комикса, что, непосредственно, представляет особый интерес для данного исследования. Исходя из положения о том, что комикс – это

разновидность поликодового (креолизованного) текста необходимо обратить внимание на то, что информация в комиксе и манге передается одновременно на нескольких уровнях. Автор комикса или манги ставит своей целью рассказать свою идею реципиенту, оперируя, как правило, несколькими кодами одновременно. Реализуемые в комиксах коды можно разделить на две группы: технические коды и языковой код [Козлов 2002: 16].

К техническим кодам, по мнению Козлова, относятся такие как: а) идеограмматический код – витализирует графическую информацию при помощи набора приемов и процедур, помогающих изобразить звуковую палитру, представить психологическое состояние персонажей; б) кинематографический код – консолидирует правила использования различных планов, ракурсов и монтажа; в) графический код – включает в себя характерные черты графики – степень реалистичности, цветовую гамму (если имеется) и др [Козлов 2002: 17].

Исходя из положений Козлова, комикс предполагает наличие в нем нескольких информационных рядов: текст, параграфики и графика. Языковой код буквенного текста и частично посредством параграфики, в то время как технические коды находят свое выражение как в параграфическом, так и в графическом информационном ряду.

Буквенный текст, являясь одним из информационных рядов комикса и манги, может послужить источником всевозможного рода информации. Он указывает на предметно-логические связи, временные соотношения, эмоциональность передаваемой информации и т. д. Буквенный текст – это все речевое единство внутри комикса. В связи с этим можно выделить два типа организации буквенного текста внутри комикса: речь персонажей и речь автора. Речь персонажей в большинстве случаев расположена внутри так называемых «пузырей», которые посредством легко понимаемых указателей представляют читателю говорящего в кадре персонажа. Речь персонажей может быть как монологической, так и диалогической – ее оформление от этого практически не меняется, что во многом связано с тем, что де факто персонажи «общаются» с

читателем. Речь персонажей может характеризоваться любым функциональным стилем, определяющим фактором здесь является исключительно интенция автора комикса.

Графика в комиксах занимает равное (если не превосходящее) с буквенным текстом положение и представляет собой последовательность образов-рисунков, каждый из которых заключен в отдельный кадр. Каждый отдельный кадр представляет собой выхваченный и остановленный момент времени, запечатленный в статике. По какому принципу будут отбираться кадры в комиксе зависит в первую очередь от самого автора. Однако автор в любом случае будет подбирать кадры и составлять из них последовательность таким образом, чтобы реципиент мог как можно быстрее и четче уловить основную суть повествования. Кадры комикса могут быть оформлены как обильной цветовой палитрой, так и простым бинарным соотношением двух цветов (чаще всего черного и белого). Выбор цветовой палитры может обусловить структурные особенности внутри комикса и существенно повлиять на восприятие реципиентом соотношения кадров. По этому поводу А. Г. Сонин отмечает, что структурирующая функция цвета проявляется при рассмотрении кадра как компонента более крупных единиц: страницы, разворота, комикса в целом. В этом случае цвет может соединять кадры на странице в единое целое либо подчеркивать момент перехода от одного плана повествования к другому [Сонин 2004: 42].

Графика и буквенный текст в комиксе являются доминирующими информационными рядами. Они транслируют основную часть данных, оперируя богатым набором приемов. Однако отличительной чертой комикса на фоне других поликодовых текстов является особое оформление фоновой информации.

Согласно Е. В. Козлову, функцию передачи именно фоновой информации берет на себя параграфика, которая не ограничивается изображением качеств передаваемого графикой невербального поведения, созданием своеобразной звуковой дорожки произведения или демонстрацией просодических явлений,

сопровождающих речь. Благодаря выработанному в рамках жанра и впоследствии активно заимствуемому родственными жанрами набору идеограмм параграфика не только оформляет все вербо-иконическое сообщение, но и способна передавать самостоятельную информацию, выступая в роли субституента буквенного текста [Козлов 2002: 18].

Говоря о таком субституенте вербальной части комикса, помимо реплик героев произведения можно обнаружить особый класс лексики, без которого не обходится ни одна графическая новелла – это ономатопоэзия (звукоподражания). Ономатопоэзия – это особый вид лексики, который непосредственно с помощью звуковых ассоциаций передает образ объекта или явления. Ономатопоэзия может обозначать звуки издаваемые живыми и неживыми объектами, явлениями живой и неживой природы, а также атрибуты объектов и физиологические и эмоциональные состояния (в некоторых языках). Данная лексика особо частотна в комиксах и помимо выполнения эмфатической функции демонстрирует визуальное взаимодействие вербальной и невербальной частей комикса [Ещеркин 2016: 110].

Ономатопоэтическая лексика является неотъемлемой частью комикса, поскольку она демонстрирует динамику статичных неподвижных изображений посредством добавления акустической палитры в них. Таким образом, адресат способен определить физическое и эмоциональное состояние персонажа сцены, не фокусируясь на вербальной составляющей. Ономатопоэтические составляющие комикса создают акустический антураж событий, следовательно, вписанные в графическое изображение ономатопоэзии так же становятся ее элементом, поскольку атрибуты шрифта, которым изображен ономатопоэзия, такие как стиль / размер / цвет / положение в пространстве позволяют адресату определить громкость звука, его происхождение и характер. Один и тот же ономатопоэзия в разных сценах комикса в зависимости от своих атрибутов может выражать разные значения, например ономатопоэзия *eww* может обозначать как отвращение, так и крайнее неодобрение или порицание мнения или поступка. В первом случае автор комикса, по всей вероятности, использует простой шрифт

черного цвета. Во втором случае наиболее подходящим будет крупный специфический шрифт, как правило, красного цвета [Чуканов 2009: 177].

2.3. Языковая характеристика ономапии в американских комиксах и японских манга

В настоящей работе было сосредоточено пристальное внимание на сравнительном аспекте исследования английских и японский ономапов. В течение продолжительного периода времени были совершены попытки обнаружения сходств и различий ономапоэтической лексики в неродственных языках на разных языковых уровнях. В первую очередь были исследованы денотативные и коннотативные значения на предмет сходств и различий в выше упомянутых языках. В ходе сравнения лексики были выделены три основные группы ономапов по признакам: общий денотат и коннотат; общий денотат и отличающийся коннотат; общий денотат и индивидуальный коннотат.

К первой группе были отнесены слова, основное и сопутствующее значение которых в обоих исследуемых языках идентичны. Ниже приведены наиболее яркие примеры одновременного сходства денотатов и коннотатов в английском и японских языках.

Рассмотрим первую языковую пару *Bleeeh* и *イーツダ* /u:dda/. Данные ономапы обозначают звук вытягивания языка вперед с характерным звуком насмешки, шуточной издевки над собеседником. Оба ономапа имеют общее денотативное значение – вытягивание языка вперед, в то же время их коннотативные компоненты так же совпадают, иллюстрируя звук насмешки. Стоит также упомянуть о том, что оба ономапа содержат в себе долгие гласные, находящиеся в одинаковой позиции в середине слова. В случае английского ономапа это реализуется посредством использования дополнительных графем в слове, а в японском с помощью знака (ー), который так же обозначает протяженность гласного звука. Такой прием был

использован для указания на длительность воспроизводимого звука. Английский онматоп *Bleeeh* относится к классу первичной онматопеи, а японский *イーツダ* относится к классу гисэйго.

В следующем примере обратим внимание на пару онматопов *vroom* и *クオン* /куон/, которые обозначают звуковой эффект издаваемый транспортным средством, обычно автомобилем или мотоциклом с грохочущим ревом проносщимся на огромной скорости. Денотатом в данном случае является рев мотора транспортного средства, а в качестве коннотата выделяется атрибут данного акустического явления – грохочущий рев. Следует отметить, что явление редупликации в случае онматопы *vroom* несколько меняет его значение. Таким образом, онматоп *vroom-vroom* будет изображать звук намеренного циклического увеличения оборотов двигателя транспортного средства, демонстрируя его мощность чаще всего перед началом движения. Английский онматоп *vroom* относится к классу вторичной онматопеи, а японский *クオン* относится к классу гионго.

Рассмотрим следующую пару онматопов *ヒュンヒュン* /хюн-хюн/ и *whoosh-whoosh* обозначающих вихревое вращение рассекающего воздух предмета; продолжительный звук трения о воздух при полете, вращении, движении и т. п. Денотативное значение выражается вращением или трением направленными исключительно на воздушные массы. Коннотативное значение представлено качеством данного действия – вихревой. Редупликативный характер онматопов говорит о том, что звук, обозначаемый ими, циклично повторяется. Как правило, такими онматопами сопровождаются действия совершенные холодным видом оружия: стрелы, нунчаки, сюрикэны; летательными аппаратами: самолет, вертолет, дельтаплан и др. Английский онматоп *whoosh-whoosh* относится к классу вторичной онматопеи, а японский *ヒュンヒュン* относится к классу гионго.

Обратим внимание на следующую пару онматопов *バタン* /батан/ и *slam*, которые преимущественно передают звук с силой и грохотом

захлопывания двери. Денотативное значение данной пары ономастов является звук захлопывания двери, а коннотативное значение в свою очередь иллюстрирует свойство данного звука – сильный грохот. Следует также обратить внимание на другую пару ономастов バン /бан/ и *bam* одно из значений которой совпадает с денотатом пары バタン и *slam* – захлопывание двери. Проявление интереса к ономастам バン и *bam* обусловлено тем, что здесь наблюдается явное фонетическое сходство первых слогов в английской и японской лексемах. Кроме того, оба ономаста имеют общее основное значение – звук удара твердых предметов друг об друга. Английские ономасты *slam* и *bam* относятся к классу вторичной ономастопеи, а японские バタン и バン относятся к классу гионго.

Рассмотрим следующую пару ономастов ジャブジャブ /дзябу-дзябу/ и *splash* обозначающие звук колебания жидкости путем воздействия на нее обычно в результате падения какого-либо предмета денотативное и коннотативное значения которых совпадают в английском и японском языках. Денотатом в данном случае выступает подражание звуку плеска с разлетающимися брызгами жидкости; звук барахтаний в воде и др. Коннотативное значение, обнаруженное при анализе комиков и манги в обоих случаях, представлено обозначением звука действия энергичных движений в воде реализуемых колебаниями частей тела людей или животных в воде. Английский ономастоп *splash* относится к классу вторичной ономастопеи, а японский ジャブジャブ к классу гионго.

Обратим внимание на следующую пару ономастов グウグウ /гу:-гу:/ и *rumble* обозначающих гулкой и протяжный звук издаваемый желудком при выработке пищеварительных ферментов, чаще всего при голоде или волнении. Денотативное значение выражено обозначением звука урчания в желудке, а коннотативный компонент обозначает характер издаваемых звуков как гулкость и протяжность. Для обозначения протяжности акустического явления английский ономастоп *rumble* часто изображается в комиксах как *rruummbblee*.

Автор намеренно применяет стилистический прием фонологического уровня, намеренно искажая орфографию лексемы, чтобы обеспечить реципиента необходимой информацией о характере звука. Ономато́п *rumble* принадлежит к классу глагольных ономато́пов, который в английском языке преимущественно используется в качестве глагола. Английский ономато́п *rumble* относится к классу вторичной ономато́пии, а японский グウグウ к классу гионго.

Рассмотрим другую пару ономато́пов カーンカーン /ka:n-ka:n/ и *ding-dong* с общими денотативными и коннотативными значениями, которые обозначают звук удара в колокола. Денотативным компонентом является обозначение звона от ударов по металлическому предмету, как правило, колоколу. Коннотативным компонентом является длительность и неоднократность данного акустического явления, объясняемые редупликативной природой выше упомянутых ономато́пов. Обозначение длительности звука в японском ономато́пе реализуется с помощью знака (ー), который обозначает протяженность гласного звука, а в английском согласно Дж. Уоллису с помощью звукокомплекса [ɪŋ], который обозначает продление небольшого плавно заканчивающегося движения или вибрации. Английский ономато́п *ding-dong* относится к классу вторичной ономато́пии, а японский カーンカーン к классу гионго.

Обратим внимание на следующую пару ономато́пов ツンツン /цун-цун/ и *poke-poke*, обозначающих звук прикосновения к другому предмету (человеку) обладающему мягкой текстурой (кожа, ткань, обивка и т. п.). Денотативный компонент обоих ономато́пов заключается в обозначении многократных прикосновений к чему-либо нетвердому. Коннотативный компонент обозначает многократность издаваемых при прикосновении к предмету. Эффект многократности создается посредством редупликации ономато́пов. Английский ономато́п *poke-poke* относится к классу вторичной ономато́пии, а японский ツンツン к классу гионго.

Рассмотрим последнюю пару ономатопо́в *ダンッ* /дан-дан/ и *smash* входящую в группу лексем с общими денотатом и коннотатом. Данные ономато́пы выполняют функцию имитации звука мгновенного пронзительного удара о твердую плоскость или предмет и последующего разрушения на мелкие фрагменты полностью или частично теряя свою первоначальную форму. Таким образом, выделяется денотативный компонент, обозначающий сильный деформирующий объект удар. В свою очередь коннотативный компонент обозначает характер воспроизводимых звуков и свойства, такие как: мгновенность, кратковременность звучания и громкость. Кратковременность звука обуславливается наличием гортанной смычки /ッ/ указывающей на длительность звука. Согласно Дж. Уоллису звукокомплекс /sh/ входящий в состав ономато́па обозначает пронзительность звука, который он обозначает. Английский ономато́п *smash* относится к классу вторичной ономато́пии, а японский *ダンッ* к классу гионго.

В ходе исследования были обнаружены ономато́пы находящие сходства по разным фонетическим признакам или даже тождественные между собой, сохраняющие некоторые семантические свойства как оттенки значений, атрибутивные свойства, а иногда и в полной мере соответствуют друг другу семантически. Ниже представлено несколько примеров демонстрирующих фонетические сходства ономато́пов в английском и японском языках, обнаруженные в комиксах и манга.

Рассмотрим пару ономато́пов *ボイン* /боин/ и *boing*, имеющих сходство в фонетической структуре. Оба ономато́па в исходной позиции содержат губно-губной звук [b], который по своим характеристикам согласно данным международного фонетического алфавита совпадает в обеих лексемах. Профессор С. Хамано в своих трудах наделяет звук [b] свойствами, обозначающими напряженные движения, совершаемые в отношении поверхности чего-либо. Отражение данных характеристик прослеживается как в английском, так и в японском ономато́пах. Также следует обратить внимание

на согласный в финальной позиции, поскольку в обоих случаях он представлен носовым звуком – увулярным [ŋ] в японском *ボイン* и велярным [ŋ] в английском *boing*. Несмотря на то, что по своим характеристикам данные звуки различают, однако в потоке речи носителей языка отличия малозаметны. Помимо сходств в фонетической структуре оноματοпоэтических лексем также обнаруживаются явные сходства в семантике выше упомянутых оноματοпов. Английской оноματοп *boing* обозначает звук отпружинивания предмета при падении или бросании на плоскость, а японский оноματοп *ボイン* в свою очередь передает звук пружинистых ударов и вертикальных скачков обычно тяжелых, но гибких эластичных предметов. Таким образом, оба оноματοпа обозначают звук, производимый эластичным предметом, который при столкновении с плоскостью, пытаясь сохранить свою первоначальную форму, инерционно совершает скачок.

Рассмотрим случай совпадения семантических значений в лексемах содержащих консонант /w/ в исходной позиции. Согласно исследованию С. Хамано в области звукового символизма, она приписывает свойство данному звуку – эмоциональный выкрик человека или животного. Так, звукоподражание лаю собаки *woof-woof* и *bow-wow* в английском языке имеют сходства со звукоподражанием с аналогичным значением *ワンワン* /ван-ван/ в японском языке. Данный оноματοп относится к классу гисэйго. В то же время, обнаруживаются сходства в других лексемах, которые относятся к звукам издаваемым человеком.

Английские междометия, выражающие восторг или удивление *wow* и *whoa* также находят сходства с японским междометием *うわー* /ува:/, которое выражает абсолютно тождественные семантические признаки. Следует, в свою очередь, упомянуть еще об одной паре оноματοпов, которые подобным образом имеют идентичные семантические признаки и содержат звук /w/ в инициальной позиции. Английский оноματοп *wah* и японский *ワーワー* /ва:-ва:/ обозначают громкий плач, однако под английским звукоподражанием преимущественно

подразумевается плачь младенца, в то время как, японское звукоподражание универсально для и не зависимо он возрастных и гендерных признаков. Помимо прочего, стоит обратить внимание на ономато *ワン* /*va:n*/, который является формой *ワンワン* и означает громкий гулкий плачь. Формант /*ん*/ (н) – носовой звук, который способствует динамике значения и наделяет ономато дополнительными признаками, а именно ревербацией и эхом. Ономаты *wow*, *whoa* и *wah* относятся к типу первичной ономотопеи (звукоподражания людям), а ономаты *ワンワン*, *うわー*, *ワンワン* и *ワン* к классу гисэйго (звуки издаваемые людьми и животными).

Ко второй группе были отнесены слова, содержащие в себе общий денотативный компонент, тем не менее, им коннотативные компоненты немного или значительно отличаются друг от друга, проявляя дополнительные оттенки значения как характер имитируемого звука, несовпадение субъектов; инструментов действия или ситуации, поведения объекта действия. Ниже приведены наиболее яркие примеры таких языковых явлений обнаруженных в ходе анализа ономотопозитической лексики в американских комиксах и японских манга.

Рассмотрим первую пару ономотопов *ピョーンピョーン* /*nĕn-nĕn*/ и *boing-boing*, которая имитирует звук повторяющегося подпрыгивания, скачков. Денотативный компонент обоих ономотопов заключается в обозначении скачков и прыжков, производимых одушевленными или неодушевленными предметами. Однако коннотативное значение двух ономотопов значительно отличается и обозначает разные характеристики. В случае с японским ономотопом *ピョーンピョーン* выполняется подражание звука прыжка чаще всего производимого живыми существами людьми, животными, насекомыми и т. д. Английский ономотоп *boing-boing* обозначает характер звуков издаваемых гибким, упругим предметом при прыжке или скачке, чаще всего изделием из эластичных материалов как резина или пластик. Следует заметить, что ономотоп *boing-boing* преимущественно обозначает звук отпружинивания

предмета при падении на плоскость. Английский ономатоп *boing-boing* относится к классу вторичной ономатопеи, а японский *ピョーンピョーン* к классу гионго.

Обратим внимание на другую пару ономатопов *ドカン* /*докан*/ и *kaboom*, которая подражает сильному отрывистому шуму (от взрыва, извержения вулкана, падения тяжелого предмета и т. п.). Денотативный компонент в обоих случаях совпадает, обозначая звук сильного отрывистого шума сопоставимого со звуком огромного по масштабам взрыва или извержения вулкана, но в случае коннотативного компонента наблюдается ряд некоторых значительных отличий. Помимо основного значения японский ономатоп *ドカン* обозначает звук столкновения твердых тяжелых предметов. Структура данного ономатопа сообщает реципиенту о характере подражаемого звука – формант /*ン*/ (н) – носовой звук наделяет ономатоп дополнительными признаками, а именно ревербацией и эхом. Также зачастую обнаруживаются такие вариации данного ономатопа как *ドツカーン* /*докка:н*/, что наделяет его дополнительными признаками как отрывистость, обозначаемая геминатой /*ツ*/ и долгота звука, обозначаемая. Английский ономатоп *kaboom*, в свою очередь, так же обладает дополнительным значением, которым его наделяет компонент *ka-*, используемый в качестве префикса в составе настоящего ономатопа и в данном случае обозначает звук мощного и интенсивного рокота при взрыве. Английский ономатоп *kaboom* относится к классу вторичной ономатопеи, а японский *ドカン* к классу гионго.

Рассмотрим следующую пару ономатопов *バンバン* /*бан-бан*/ и *bang-bang* обнаруженных в ряде популярных комиксах и манга. Данные ономатопы подражают звуку последовательных выстрелов из мелкокалиберного (в случае *バンバン*) огнестрельного оружия (пистолета, револьвера и т. п.). Неоднократность и последовательность обозначаемых звуков обусловлена редупликативным характером ономатопов, которые имеют общий денотативный компонент. В свою очередь, обращая внимание на

коннотативные компоненты, можно выявить достаточно явные различия в значениях неродственных лексем. Так, японский ономато *バンバン* так же может обозначать звук продолжительных ударов друг о друга металлических твердых предметов, а английский ономато *bang* уже не содержащий редупликацию часто может обозначать звук падения тяжелого предмета. Помимо прочего необходимо выделить ономато *パンパン* (пан-пан), который обладает смежным значением и подражает звуку последовательных выстрелов из небольшого ружья. Таким образом, оглушение или озвончение согласного так же может значительно повлиять на обозначение звука. Такой эффект весьма частотен как японском, так и в английском языках. Английский ономато *bang-bang* относится к классу вторичной ономатопеи, а японские *バンバン* и *パンパン* относятся к классу гионго.

Обратим внимание на другую пару ономато *ガシヤツ* /*гасям*/ и *crash*, которые призваны передавать звук физического воздействия результатом которого является разламывание, раздавливание, раскалывание довольно твердых и тонких предметов. Денотативный компонент обоих ономато заключается в обозначении звука издаваемого предметом при получении механических повреждений при воздействии на него человеком, другим предметом или явлением. Коннотативный компоненты обоих ономато значительно отличается и обозначает акустические явления иного характера. Так, английский ономато *crash* в своем дополнительном значении выражает резкий и сильный треск, шум от падения, толчка, взрыва и т. п. Японский ономато *ガシヤツ* обозначает звук, с которым один металлический предмет полностью входит в другой. Гортанная смычка /*ツ*/ входящая в состав данного ономато показывает, что звук возникает единожды и кратковременность его звучания. Английский ономато *crash* относится к классу вторичной ономатопеи, а японский *ガシヤツ* к классу гионго.

Рассмотрим следующую пару ономато *ドコツ* /*докот*/ и *row* обнаруженных в большом количестве известных американских комиксов и

японских манга. Данные ономатопы обладают общим денотативным компонентом, который обозначает звук однократного энергичного удара кулаком. Коннотативные компоненты напротив содержат ряд отличий. Так, английский ономатоп *row* в ряде случаев может обозначать звук громкого взрывного шума. Компонент *ka-*, используемый в качестве префикса в составе множества английских ономатопов, обозначающий интенсивность акустического явления, придает иной оттенок значения ономатопа *row*, наделяя его характеристиками, которые обозначают звук мощного удара или взрыва, а также трансформации. Гортанная смычка /ツ/ в составе японского ономатопа トコツ демонстрирует мгновенность и кратковременность его звучания. Английской ономатопы *row* и *karow* относятся к классу вторичной ономатопеи, а японский トコツ к классу гионго.

Обратим внимание на другую пару ономатопов コキコキ /*коки-коки*/ и *crack* с разными коннотативными компонентами, которые обозначают звук резкого и сильного треска; хруста от падения, толчка, взрыва и т. п. Денотатом в данном случае является обозначения всевозможного треска или хруста твердых и неэластичных предметов с последующей их деформацией. Что касается японского ономатопа コキコキ, то в ходе анализа несколько изданий манги было обнаружено дополнительное значение обозначающее звук хруста суставов или костей, например, после интенсивной тренировки или подготовки к бою. Английской ономатоп *crack* относятся к классу вторичной ономатопеи, а японский コキコキ к классу гионго.

Рассмотрим другую пару ономатопов ボリボリ /*бори-бори*/ и *crunch* с общими денотативными и коннотативными значениями имеющими различия. Данные ономатопы обозначают продолжительного звук разгрызания твердого предмета. Денотативный компонент обоих ономатопов заключается в обозначении звука разгрызания или разжевывания предмета, обладающего твердой и хрустящей текстурой (печенье, чипсы, растительная пища). В процессе анализа комиксов и манги было выявлено, что коннотативные

компоненты данных онома톱ов различаются. Онома톱 *crunch* имеет дополнительное значение, которое заключается в передаче звука ломающегося предмета, а онома톱 *ボリボリ* в свою очередь имитирует царапание, скрежета, соскребывания и т. п. Английский онома톱 *crunch* относится к классу вторичной ономатопии, а японский *ボリボリ* к классу гионго.

Обратим внимание на следующую пару онома톱ов *ホツンホツン* /*ноцун-ноцун*/ и *drip-drip*, которые подражают звуку падения и последующему удару о плоскость капель воды. Денотативный компонент обоих онома톱ов заключается в обозначении циклично повторяющегося звука удара капель воды о твердую поверхность. Цикличность звукового явления обуславливается редупликативной структурой онома톱ов. Японский онома톱 имеет коннотативное значение, которое обозначает периодичность падения капель с небольшими промежутками. Также формант /*ン*/ (н), входящий в состав данного ономатопа наделяет его дополнительными акустическими признаками, а именно ревербацией и эхом. Английский онома톱 *drip-drip* относится к классу вторичной ономатопии, а японский *ホツンホツン* к классу гионго.

Рассмотрим последнюю пару онома톱ов *バツタリ* /*баттари*/ и *bump*, входящую в группу лексем с общим денотативным и отличным коннотативным компонентами. Данные ономатопы обозначают звук глухого стука, удара, падения; непредумышленного внезапного столкновения с предметом или с человеком. Денотативный компонент обоих онома톱ов заключается в имитации звука внезапного удара; столкновения с предметом. Коннотативный компонент английского ономатопа выражен обозначением внезапности и неуклюжести движения производимого субъектом действия, чему свидетельствует наличие звукокомплекса /*mp*/, который согласно утверждению Л. Блумфилда обозначает непредумышленное неуклюжее движение. В случае японского ономатопа отмечаются такие характеристики звука как внезапность и интенсивность акустического явления. Более того, в соответствии с утверждением С. Хамано формула CVQCV_i которая отвечает структуре

ономатопа обозначает более долгий звук с дополнительным оттенком значения в зависимости от ситуации. Английский ономатоп *bump* относится к классу вторичной ономатопеи, а японский *バツタリ* к классу гионго.

К третьей группе были отнесены звукоизобразительные или звукоименные лексемы по своим свойствам уникальные, поскольку они обозначают звуковую оболочку явления с неакустическим денотатом, другими словами лексема изображает звук явления и феномены, которое по своей природе не способно издавать любого рода звуки. К таким явлениям относятся: движения, световые явления, атрибуты объектов (форма, размер, расстояние, свойства их поверхности), а также походку, мимику, физиологические и эмоциональные состояния человека и животных, перемены и ситуации и др. В процессе тщательного изучения американских комиксов и японских манга было выявлено полное отсутствие такой лексики в комиксах. Что касается манга, то напротив в японских рисованных историях было обнаружено колоссальное количество звукоизобразительной лексики именуемой гитайго. Ниже проиллюстрированы некоторые примеры данного класса ономатопэтической лексики, которые были найдены на страницах манга.

Рассмотрим первый ономатоп *そわそわ /сова-сова/*, который передает звук эмоционального состояния человека, а именно невозможность успокоиться из-за каких либо переживаний. Данный ономатоп обозначает действия, такие как беспокойная суетливость, нервное ерзание на одном месте. Длительность состояния, которое описывает ономатоп осуществляется посредством редупликации. Японский ономатоп *そわそわ* не имеет аналога в английском языке, поэтому при переводе передается с помощью слов *nervous*, *restless* и т. п.

Обратим внимание на следующий пример *ぴかぴか /ника-ника/*, который изображает звук продолжительного свечения; блеска, а так же описывает глянец блеск. Данный ономатоп обозначает действия связанные со свечением, ярким блеском, сверканием молнии. Помимо основного значения *ぴか*

かひか имеет дополнительное значение обозначающее что-то абсолютно новое, создающее ощущение блеска и сверкания. Продолжительность явления, которое иллюстрирует ономотоп реализуется посредством редупликации. Для передачи однократного мгновенного блеска используется форма ひかっ /nika/, которая образована с помощью прибавления к ядру ономотопа форманта обозначающего /っ/ гортанную смычку. Японский ономотоп ひかひか не имеет аналога в английском языке, поэтому при переводе передается с помощью слов *shining, polished, flashing*.

Рассмотрим другой японский ономотоп わくわく /ваку-ваку/ относящийся к классу звукоизобразительных слов, который передает звуковую оболочку состояния продолжительного волнения, возбуждения от радости; замирания в предвкушении радостных событий. Данный ономотоп призван передать акустический эффект состояния при котором человек находится в радостном волнении. Длительность состояния, которое описывает ономотоп осуществляется посредством редупликации. Из-за отсутствия аналога в английском языке японский ономотоп わくわく в переводе манги передается описательно с помощью слов *excited, trembling* и др.

Обратим внимание на следующий ономотоп しーん /си:н/, который наделяет акустическими свойствами состояние полной тишины. Данный ономотоп очень частотен в японских манга и используется в эпизодах для демонстрации ситуаций полного бездействия и покоя результатом которых является тишина. Следует так же упомянуть о том, что в ходе исследования было установлено, что данный ономотоп имеет большое количество форм, которые передают его разные оттенки значения. Так, форма шiiiiいん /сiiiiин/ обозначает мертвую тишину, а форма しーん /сiii:н/ изображает звук оглушительной тишины, которая нередко указывает на состояния напряженности ситуации. Динамика значения реализуется посредством использования различных формантов в составе лексемы, такие как /ん/ (н) – носовой звук наделяет ономотоп дополнительными признаками, а именно

ревербацией и эхом и /—/, который используется для указания на длительность воспроизводимого звука. Ономатоп しーん не имеет соответствий в английском языке, поэтому в переводе во всех случаях передается словом *silence*.

Рассмотрим последний японский ономатоп きらきら /*кира-кира*/, относящийся к классу звукоизобразительных слов, который создает образ звука продолжительного блеска, мерцания небольшого светящегося тела, а также употребляется в переносном смысле для описания атмосферы или настроения. В ходе детального исследования эмпирического материала был выделен ряд ситуаций, в которых данный ономатоп обозначает ситуации, такие как: сияние и блеск звезд в ночном небе; блеск ювелирных украшений; а так же описывает мерцающие огни или свет, отражающийся на поверхности водоемов. Продолжительность явления, которое иллюстрирует ономатоп реализуется посредством редупликации. Японский ономатоп きらきら не имеет аналога в английском языке, поэтому при переводе передается с помощью слов *glitter, sparkle, twinkle*.

Анализу семантики, структуры и функционирования ономатопоэтической лексики в исследуемых поликодовых текстах поспособствовал выделению полисемантических характеристик у ономатопов в английском и японском языках. Полисемия подражательной и изобразительной лексики порождает ее многозначность и объемность значений. Ниже представлены наиболее интересные примеры, обладающие широким спектром значений.

Рассмотрим первый пример полисемии в значении английского ономатопа *bang*: 1) звукоподражание сильному отрывистому шуму (от выстрела, взрыва, падения тяжелого предмета и т. п.); 2) выражает быстрое, внезапное действие; 3) выражает резкий и сильный треск, шум от падения, толчка, взрыва и т. п.

Обратим внимание на следующий пример полисемии в значении японского ономатопа ゴロゴロ /*горо-горо*/: 1) звук грома; звук, подобный грому; 2) Продолжительное перекачивание довольно тяжелого предмета или

тела; 3) времяпровождение без движения либо без дела; 4) слишком большое количество и из-за этого отсутствие новизны и ценности; 5) звук урчания в желудке; 6) звук мурлыкания кошки.

Рассмотрим другой пример полисемии в значении английского ономатопа *snar*: 1) подражает звуку при дергании какого-либо предмета; 2) выражает резкий и сильный треск, шум; 3) выражает короткие удары, стуки; 4) употребляется в качестве звукоподражания при хватании, схватывании; 5) употребляется как звукоподражание ломающемуся предмету; 6) употребляется в качестве звукоподражания мгновенного укуса животным или хватанием какого-либо предмета.

Обратим внимание на следующий пример полисемии в значении японского ономатопа ぶつぶつ /буцу-буцу/: 1) звук неоднократного разрезания, протыкания довольно толстого, обладающего натяжением предмета; 2) звук извержения, кипения, выхода на поверхность жидкости пара или газа; 3) большое количество небольших выпуклостей или отверстий на поверхности; 4) невнятное бормотание. Также употребляется для описания тайного высказывания жалоб, недовольства из-за невозможности отчетливо их услышать.

Рассмотрим другой пример полисемии в значении английского ономатопа *flop*: 1) употребляется как подражание отрывистому резкому звуку, вызванного ударом от падения; 2) обозначает звук бряканья тяжелого предмета о плоскость вследствие падения с какой-либо возвышенности; 3) употребляется в качестве обозначения звука бултыхания при падении какого-либо предмета в воду; 4) используется в качестве обозначения звука хлопанья при ударе о землю.

Обратим внимание на следующий пример полисемии в значении японского ономатопа さらさら /сара-сара/: 1) продолжительный звук от частых соприкосновений большого количества тонких, легких неклеяких предметов; 2) употребляется для описания звука покрытой рябью текущей воды и самого такого течения; 3) обозначает отсутствие заминок при движении

кистью, а также в красноречии; 4) передает ощущение приятной сухости, отсутствие жирности, влажности.

Заключение

Изучение оноματοпеи является наиболее актуальным вопросом фоносемантики и всегда представляло особый интерес у лингвистов, поскольку исследования в этой области непосредственно касаются теории о происхождении языка. В европейской языковой картине мира оноματοпея в большинстве своем сосредоточена в одном из видов поликодового дискурса – комиксах. Являясь неотъемлемым элементом комикса, оноματοпея выполняет там чрезвычайно важные функции, которые были рассмотрены в настоящей работе.

В ходе исследования было дано определение понятия оноματοпозитической лексики и её основных характеристик. В первую очередь были установлены классификационные рамки оноματοпозитической лексики в английском языке – первичная и вторичная оноματοпея, а в японском языке – гионго, гисэйго и гитайго. Далее ономатыпы двух неродственных языков были рассмотрены в структурно-функциональном аспекте, в частности на примере рекламы. В английском языке наиболее заметными характеристиками оноματοпеи являются: большая эксплицитность (из-за сравнительно небольшого числа флексий и аффиксальных образований). В английском языке ономатыпы по большей части состоят из одного корня. Также одной из характеристик является беспрепятственный переход звукоподражаний из одной части речи в другую. В ходе внимательного изучения теоретических источников было выявлено, что одной из наиболее важных функций, которую выполняет оноματοпея в японском языке – это сужение или уточнение значений глаголов обладающих более широким значением.

Звукоизобразительная система языка является объектом изучения фоносемантики, науки, образованной на стыке фонетики, семантики, лексикологии и психологии. Звукоизобразительная система состоит из звукоподражательной и звукоименной подсистем.

Явление звукоизобразительности является универсальным для всех языков мира, однако в каждом отдельном языке оно имеет особенности реализации в процессе номинации предметов и явлений действительности.

Не существует строгой регламентированной терминологии, используемой для обозначения оноματοпоэтической единицы. В различных источниках можно встретить такие термины, как: звукоподражание, образоподражание, звукоизображение, звукоимовизм, оноματοп, однако смысл их зачастую сводится к единообразному пониманию сути описываемого явления.

В европейском языкознании звукоподражательные слова чаще всего относятся к разряду междометий, тогда как в японской лингвистической традиции данные единицы принадлежат к отдельному лексико-грамматическому разряду.

Оноματοпоэтическая лексика подразделяется на подражательную, которая содержит акустический денотат (звуки издаваемые живыми существами и звуки подражающие природе и окружающему миру) и изобразительную (символическую), которая содержит неакустический денотат (эмоциональное состояние человека, атрибутивные свойства предмета, перемены, явления природы).

Наиболее проблематичной при всеобъемлющей комплексно-аналитической работе с иностранными текстами является класс оноματοпеи, изображающих суть определенного явления, настроения или действия, аналогов которой нет ни в каких в других иностранных языках, что, безусловно, вызывает разнообразные, порой непреодолимые трудности для неквалифицированного специалиста.

Оноματοпея оживляет графическую часть комикса и манги, добавляя в нее акустические эффекты, сопровождающие реплики героев. Сравнительный анализ комикса и манги поспособствовал обнаружению сходств и различий в двух лингвокультурах. Японский язык можно по праву назвать богатым звукоподражаниями, который также располагает звукоизобразительным

единицами лексики, которая считается безэквивалентной для англоязычной лингвокультуры.

Комиксы и манга, представляя собой, виды поликодового текста, имеют характерные сходства, однако, в то же время, они имеют много различий, обусловленных в первую лингвокультурными признаками авторов и читательской аудитории. Часть отличий объясняется особенностями визуального восприятия американской и японской наций, часть – различной структурой английского и японского языков.

Исходя из полученных данных в ходе анализа, можно сделать вывод о том, что оноματοпозитическая лексика в одинаковой степени коррелирует с вербальной и невербальной составляющими изученных поликодовых текстов. Она служит в них так называемым медиатором, консолидирующим связь между языковой и неязыковой частями в частности в комиксах и манга, что позволяет сделать заключение о том, что использование такой лексики в визуальных новеллах предпочтительно и даже настоятельно рекомендуется к использованию.

Перспективами дальнейшего исследования по теме настоящей работы являются: рассмотрение функциональности оноματοпии в других дискурсах английского и японского языков; исследование взаимодействия оноματοпии с модальной памятью в качестве объекта изучения нейролингвистики; создание двуязычного словаря наиболее частотных оноματοпов, используемых в комиксах и манга, для удобства чтения в оригинале и при переводе.

Список литературы

1. Аваков С.А. Звукоподражательные слова русского языка в сравнении с английским и немецким: дис. ... канд. филол. наук / С.А. Аваков. Махачкала, 2007. 147 с.
2. Алпатов В.М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. М.: Наука, 1979. 251 с.
3. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 128 с.
4. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз-х, 1959. 351 с.
5. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. статей / Науч. ред. П.Е. Бухаркин. СПб.: Издательство С.-Петербур. ун-та, 1999. 444 с.
6. Баранов А.Н. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемии // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М.: ИНИОН, 1989. – С. 41–115.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред., со вступ. статьей и коммент. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. 446 с.
8. Блумфилд Л. Язык / пер. с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат. Коммент. Е.С. Кубряковой / под. ред. и с предисл. М.М. Гухман. М.: Прогресс, 1968. 606 с.
9. Бондарь С.В. Звуковая стилистика: аспекты фонетического значения: дис. ... канд. филол. наук / С.В. Бондарь. М., 2001. 183 с.
10. Братусь, И.Б. Акустические ономотопы в индонезийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л., 1976. 28 с.
11. Бузанова Т.В. Фоносимволизм в ретимологизации // Материалы международной конференции «Языковая семантика и образ мира». – Казань, 1999. 28-35 с.

12. Васильева Е.А. Фоносемантическая характеристика основных лексических категорий: Антонимия и синонимия: дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2004. 171 с.
13. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Ленанд, 2009. 255 с.
14. Воронин, С.В. Английские ономатопы (типы и строение): дис. ... канд. филол. наук., 1969. 584 с.
15. Воронин С. В. Английские ономатопы: Фоносемантическая классификация. СПб.: Геликон Плюс, 2004. 328 с.
16. Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. Л.: ЛГУ, 1990. 200 с.
17. Воронин С.В. Звукосимволизм / Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. изд. 2-е. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 166 с.
18. Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (Свидетельство прасемитского запаса корней). М.: Наука, 1965. 182 с.
19. Газов-Гинзберг А.М. Символизм прасемитской флексии. О безусловной мотивированности знака. М.: Наука, 1974. 121 с.
20. Горохова Л. А. О некоторых закономерностях перевода ономатопов в зависимости от функции, выполняемой ими в тексте. [Текст] / Л. А. Горохова // Лингвистика. Перевод, межкультурная коммуникация. 2000. – № 2. С. 110 – 120.
21. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. яз. под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1984. 396 с.
22. Дзякович Е.В. Особенности использования средств параграфемии в современной печатной рекламе // Вопросы стилистики. Вып. 27. Саратов, 1998. 140–145 с.
23. Егорова А.А. Звукоизобразительность в традиционной английской детской поэзии (на материале Nursery Rhymes): дис. ... канд. филол. наук / А.А. Егорова. Иваново, 2008. 200 с.

24. Ещеркин А.С., Кириллов А.Г. Языковые особенности японской оноματοпоэтической лексики // Вестник Международного института рынка. 2016. № 2. С. 110-115.
25. Ещеркин А.С., Кириллов А.Г. Сравнительный анализ английской и японской оноματοпоэтической лексики в поликодовых текстах (на материале комиксов и манга) // Вестник Международного института рынка. 2017. № 1. С. 116-122.
26. Квеселевич Д.И., Сасина В.П. Русско-английский словарь междометий. М.: Астрель, 2001. 510 с.
27. Козлов Е. В. Комикс как явление лингвокультуры: знак – текст – миф. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. 220 с.
28. Левицкий, В.В. К проблеме звуко-символизма / Психологические и лингвистические проблемы владения и овладения языком / под. ред. А.А. Леонтьева и Т.В. Рябовой. М.: Изд-во Московского университета, 1969. 123-132 с.
29. Левицкий, В.В. Семантика и фонетика. Пособие, подготовленное на материале экспериментальных исследований / Черновцы, 1973. 103 с.
30. Лейбниц, Г.В. Сочинения: в 4 т.: Пер. с латинского, французского и немецкого. т. 2 / ред. тома, авт. вступ. статьи и примеч. И.С. Нарский. М.: Мысль, 1983. 685 с.
31. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию / М.В. Ломоносов // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 7. – М.-Л., 1952.1. С. 172–241.
32. Михалёв, А.Б. Теория фоносемантического поля / Краснодар: КГУ, 1995. – 213 с.
33. Нелюбин Л.Л. Хухуни Г.Т. История науки о языке. М.: Флинта, 2016. 517 с.
34. Петкова З.А. Русские звукоподражательные слова в зеркале носителей болгарского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
35. Платон. Собр. соч. в 4 т. Пер. с древнегреч. Т. 1 / Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; РАН. Ин-т философии. М.: Мысль, 2006. 860 с.

36. Подшибякина А.А. Оноματοпоэтическая лексика в японском языке.: Учеб. пособие / МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Муравей, 2003. 63 с.
37. Поливанов Е. Д. По поводу «звуковых жестов» японского языка // Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов – М. : Нука, 1968. – С. 18-25.
38. Полякова К.В. Становление семиотической системы американского комикса и японского манга: дис. ... канд. филол. наук. С. 2004.
39. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. М.: Лабиринт, 2010. 240 с.
40. Потебня, А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. М.: Искусство, 1976. 613 с.
41. Румак Н.Г. Теоретические и практические проблемы межъязыковых соответствий (на примере перевода оноματοпоэтической лексики в японском языке): дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 155 с.
42. Румак Н.Г., Зотова О.П. Толковый японско-русский словарь оноματοпоэтических слов. М.: МОНОГАТАРИ, 2012. 493 с.
43. Скрипник Я.Н. Фонетика современного русского языка: Учебное пособие. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. 152 с.
44. Сонин А. Г., Махнин П. Н. Экспериментальное исследование восприятия изобразительно-вербальных рекламных текстов // Вопросы психолингвистики. 2004. 134 с.
45. Сорокин, Ю.А. Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия / Н. А. Безменова, В. П. Белянин, Н. Н. Богомоллова и др.; отв. ред. Р. Г. Котов; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1990. 239 с.
46. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с фр. яз. / под ред. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
47. Тихонов, А. Н. Междометия и звукоподражания — слова? // Русская речь. Вып. № 5. 1981. С. 72-76.
48. Тишина, Е. В. Русская оноματοпея: диахронный и синхронный аспекты изучения: дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 183 с.

49. Чиронов С.В. Оноματοпозэтические слова в современном японском языке: проблемы функционирования: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
50. Чуканов Р. В., Поликодовый статус комиксов как явления современной немецкой лингвокультуры // Вестник МГЛУ. Выпуск 559, 2009. 169-179 с.
51. Чукарькова О.В., Звукоизобразительная природа фоностилистических приемов англоязычного рекламного текста: экспериментальное исследование: дис. ...канд. филол. наук. М., 2015.
52. Шляхова С. С. Фоносемантическая вселенная // Известия Уральского гос. ун-та. 2006. №41. 152-153 с.
53. Bloomfield L. An Introduction to the Study of Language. John Benjamin's publishing company, 1983. 337 p.
54. Firth J. R. Tongues of Men / London: Oxford University Press, 1964. 205 p.
55. Graham J. F. Onomatopoeics. Theory of language and literature / Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 316 p.
56. Genette G. Mimologics (Mimologiques: voyage en Cratylie): translated by Thais E. Morgan: with a foreword by Gerald Prince. / Lincoln & London, University of Nebraska, 1995. 446 p.
57. Hamano S. The Sound-Symbolic System of Japanese, Boston, 2001. 170 p.
58. Kagitani T. Sound symbolic relationship between onomatopoeia and emotional evaluations in taste, 2014. 209 p.
59. McCloud Scott. Comics richtig lesen. Hamburg: Carlsen Verlag, 1994. 224 p.
60. Sugahara T. Onomatopoeia in Spoken and Written English: Corpus- and Usage-based Analysis. Hokkaido University. 2010. 219 p.
61. Satoru. A. A Practical Guide To Mimetic Expressions Through Pictures, Japan, 2008. 190 p.
62. Jaskólska A. Onomatopoeia in interactions between advanced students of English. A corpus based study. 93-100 p.
63. Flyxe M. Translation of Japanese onomatopoeia into Swedish (with focus on lexicalization). Göteborg University, Gothenburg, 2002. 55-73 p.

64. Razak A., Hajjar S. Japanese Onomatopoeia: Cosmetics and Skincare Products in Fashion Magazines. Ochanomizu University, 2012. 23-28 p.
65. Inose H. Translating Japanese onomatopoeia and mimetic words. Universidad de Granada, Spain, 2008. 97-116 p.
66. Wallis, J. Grammar of the English language. With an introd. grammatico-physical treatise on speech, (or on the formation of all speech sounds) / A new ed. with transl. and comment. by J.A. Kemp. London: Longman, 1972. 400 p.
67. 日本語のオノマトペ : 音象徴と構造, 日本, 2014. 190 p.

Список лексикографических источников

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов.. 6-е изд. / М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 576 с.
2. Квеселевич Д.И., Сасина В.П. Русско-английский словарь междометий. М.: Астрель, 2001. 510 с.
3. Румак Н.Г., Зотова О.П. Толковый японско-русский словарь ономатопоэтических слов. М.: МОНОГАТАРИ, 2012. 493 с.
4. Satoru. A. A Practical Guide To Mimetic Expressions Through Pictures, Japan, 2008. 190 p.
5. 山口仲美. 擬音語・擬態語辞典. 講談社学術文庫, 日本, 2015. 595 p.